

18+

Елизавета
Датинбургская

пришедший
из
льдов

Елизавета Датинбургская
Пришедший из о льдов

«Издательские решения»

Датинбургская Е.

Пришедший изо льдов / Е. Датинбургская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518136-7

Он — Главный Хранитель земель Белозерья. Женатый на первой красавице. Она — Княгиня, замужняя дева. Между ними вспыхнуло жаркое чувство любви. Что остается? Бежать от своей истинной любви? Или поддаться сладкой любовной волне? Царица поручает Главному Хранителю созвать совет Хранителей Света. Воевода замышляет темное против него, но об этих планах узнает княгиня. Любящее сердце не может допустить, чтобы задуманное осуществилось. Она бросает все и отправляется вслед за любимым, желая его спасти.

ISBN 978-5-00-518136-7

© Датинбургская Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пришедший изо льдов

Елизавета Датинбургская

© Елизавета Датинбургская, 2020

ISBN 978-5-0051-8136-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Весь лес был наполнен птичьим гомоном, словно пернатые обсуждали грядущее зло. Ветер тревожно колыхал макушки елей, разнося гомон по округе.

Митрофан стоял на опушке, вдыхая хвойный дух, и всматривался вдаль. На севере, над горным хребтом, занесенным вечными снегами, сгущались тучи.

– Там зло, – повторял мужчина про себя.

В какой-то момент ветер стих, а за ним и стихло все многоголосье лесного царства.

Сердце Митрофана заколотилось в предчувствии.

Резкий порыв ледяного ветра ударил в мужчину, чуть не сбив его с ног.

Северный ветер. Холодный и пронизывающий. Все намного серьезнее, чем он мог себе представить.

Мужчина быстрым шагом направился в город, главное предупредить народ.

Теперь это его прямая забота. Царица назначила его главным Хранителем города. Хранителем всех земель от Северных гор до Восточного моря. От Западных лесов до Южных степей. Хранителем славного народа, что заселил эти земли почти тысячу лет назад.

Белокаменные стены, что защищали город и Царские Палаты, со всех сторон были подперты ветхими избушками. Именно с этой деревушки и началось строительство Велиграда. Когда к власти пришла молодая Царица Ачима, она повелела обнести стеной из белого камня Палаты и прилегающие к ним каменные терема.

Митрофан поспешно пересек поле, поросшее пахучим донником, красной травницей, волошкой, что синела полянками кое-где и аржанцом, который вечно пачкал штанины цепкими семенами. Пробрался через заросли дремухи и вышел на глиняную дорогу.

Не успев миновать и одной улицы, услышал звонкий голос:

– Митрофан, куда так спешишь? Случилось что?

Мужчина продолжал идти, словно не слышал въедливого сопрано. Он узнал этот пронзительный голосок. Аксинья – соседка. Вредная и дотошная девица. Вечно ей больше всех надо.

– Митрофанушка... – выкрикивая, Аксинья бросилась за ним, путаясь в своей цветастой юбке. – Подожди же меня!

– Некогда мне, Аксинья! – бросил в ответ Митрофан.

Как же, некогда ему! Аксинью было этим не пронять. Она подняла подол до колен и помчалась за соседом.

Как только Ачима назначила Митрофана Хранителем Велиграда, он стал личностью известной. Поговаривали, что на него начал косо смотреть главный воевода Лютой. Лютой давно грезил об этой должности, а ничего не вышло. Почему? Никто не знал ответа, да и думать об этом не хотел, кроме Аксиньи.

Она имела на рынке место для торговли, самое удачное по ее мнению. Продавала масло собственного приготовления. Кедровое, сосновое, липовое, еловое. И помимо торговли занималась слухами, что шли из-за каменной стены. Главным поставщиком свежих сплетен была ее подруга Пава. Девушка трудилась на царской кухне, помощницей кухарки. Как-то она рассказывала Аксинье:

– Я сама, Аксинья, слышала, как Лютой говорил, что злой он на Митрофанушку. Мол, должность его прибрал к рукам. Незаслуженно! – Девица перевела дух. – А все потому, что романтические отношения у него были с Ачимой, когда она еще в Царевнах хаживала.

– Быть не может! – щebetала в ответ Аксинья, поправляя ленту в волосах. – Хотя, если быть с тобою, подруга Пава, честной, – прищурившись, добавила торговка маслом, – я давненько об этом слыхала, да вот токма помалкивала. Срам-то, какой! Митрофанушка хоть

и парень видный, крепкий, плечистый, но из селян... Батюшка Ачимы узнав об их романтике, скрутил бы его в бараний рог и по Ельской речке с белыми водами отправил!

Вот и сейчас Аксинья не могла упустить своей возможности выпытать у Митрофана причину его хмурного настроения. Тем более он явно спешил в Царские Палаты.

Вступив на территорию города, выложенного серой брусчаткой, торговке удалось достигнуть Хранителя.

– Митрофанушка, – взвизгнула Аксинья, – ну сжался надо мной! Я за тобой еле поспеваю, вот уже и черевички скинуть пришлось, босая за тобой бегу!

– Аксинья, – грозно отозвался Хранитель, – ступай домой!

– Миленький, – взмолилась девица, – что случилось? Ну, хоть намекни? Как же я домой пойду, не зная, что за напасть приключилась!

Мужчина остановился и посмотрел на запыхавшуюся Аксинью, своими серо-зелеными глазами. Его взор устремился на ее босые ноги, что были в пыли и навозе, ведь она ступала, не разбирая куда, дабы поспеть за Хранителем.

Митрофан вздохнул:

– Аксинья, все-то тебе надо знать, иди уже домой!

– Но, Митрофанушка... – начала девица возражать.

Ее мольбы остались без ответа. Митрофан поднялся на крыльцо Царских Палат и велел страже не пускать болтушку вслед за ним.

Аксинья поразмыслила пару секунд и побежала на царские дворы. Пава ее точно проведет в Палаты и уж тогда она узнает, в чем причина его хмурного настроения. Ведь дело явно нечисто, коли Главный Хранитель вне себя от тревоги, да еще с донесением к Царице.

Главный Хранитель вошел в парадные Царские Покои. У красной стены под расписными сводами на троне восседала Ачима. Молодая женщина, статная, белокожая. Светлые волосы были стянуты в тугую косу. Голову венчала тиара в россыпи рубинов, сапфиров, изумрудов. Сарафан, богато расшитый золотой ниткой, также был усыпан сверкающими камнями.

По правую руку от Царицы стоял главный воевода Лютой. Его форма была пошита из багряной паволоки на шелковой подкладке. Густая борода опускалась до середины груди.

По левую руку от Царицы восседала княгиня Елизара. Ее сарафан из темно-синей парчи сидел по фигуре, подчеркивая изящные формы. Смолистые волосы были убраны в косу, а лоб украшало очелье расшитое жемчугом.

Митрофан кинул кроткий взгляд в сторону княгини. Она сидела неподвижно, сложив руки на коленях. Заметив его взор, лицо княгини озарила нежная улыбка. Митрофан опустил глаза, сердце встрепенулось и заметалось в груди. Елизара ему улыбнулась! Ее улыбка была в тот момент для него, как луч света в непроглядной тьме.

– С чем пожаловал? – громыхнул густым басом воевода. Он направился в сторону Хранителя, сцепив руки за широкой спиной. – Три седмицы от тебя не было ни слуху, ни духу. Мы уж грешным делом подумали, а не волки ли тебя изгрызли?

– Лютой, – остро ответил Митрофан, – как видишь, жив, здоров! Прочесывал Западный лес.

– По какой надобности? – осведомилась Царица, вперившись цепким взглядом в Хранителя.

Митрофан воззрел на Ачиму. Красивая, но такая холодная. Такая близкая и такая недосягаемая.

– Провидица Волгава поведала мне, что ей привиделся белый ворон. – Хранитель провел задумчиво рукой по своей светлой бороде. – Белый ворон – это тревожный знак, не все спокойно на границах божественного чертога. Она указала, что я найду в Западных лесах дух зла и пойму, откуда опасность исходит.

– И тебе потребовалось три седмицы бродить по лесам, чтобы найти какие-то знаки? – с усмешкой осведомился Лютой. Воевода прохаживался вокруг Митрофана, цокая каблуками начищенных сапог о дубовый пол. – И какие знаки ты раздобыл?

Стараясь сдерживать пылающий гнев, Митрофан сжав кулаки, ответил:

– Зло надвигается с Северных гор. Там творец зла. Он непременно двинется на наши земли.

– Ты уверен? – поднимаясь, спросила Царица. Не сводя голубых глаз с Хранителя, она подошла к окну. – Если это так, то опасность грозит всему Белозерью. Сотни тысяч людей могут пострадать.

– Матушка, – заговорил Лютой, добавляя нотку иронии, – Митрофан еще молод и неопытен. Может, ему это с голодных глаз почудилось? Я ж понимаю, столько времени на голодное пузо по лесным чащам бродить. Там и не такое привидится. А если уж и есть там какое-то зло, – воевода выделил «зло» интонацией, – то пусть тамошние народы с ним и разбираются. Ведь за Северными горами не наши земли.

Виски Митрофана пульсировали. Лютой сразу его невзлюбил и вечно старался вставить свое корявое слово. Выставить в глазах Матушки Царицы в сером цвете. Но не это его волновало в тот момент, а то, что из-за людской неприязни могли пострадать невинные люди.

Митрофану давно уже хотелось вызвать воеводу на кулачный бой и решить все вопросы в одночасье. Не привык Хранитель к интригам, что извивались в Царских Палатах, словно змеи по весне.

– Твое слово, Елизара, – сказала Ачима, не сводя глаз с царского двора. Она наблюдала, как на брусчатке, обогретой ласковыми лучами летнего солнца, резвились дворовые ребята.

Княгиня заговорила певучим, легким голосом:

– Думаю, Царица, надобно поговорить с провидицей Волгавой. Возможно, она еще что-то видела. Так же лучше собрать совет Хранителей и выслушать каждого. Особо ценно будет мнение Северного Хранителя.

– Елизара, – вновь вступил Лютой, – представь, какая суматоха начнется, – он хлопнул в ладоши, – нет! Самая настоящая паника! Пожалейте селян и горожан! Если они прознают, что Хранители едут на совет, произойдет самый настоящий хаос! Каждый знает – такой совет токма в крайнем случае!

Он продолжал кружить вокруг Главного Хранителя, не переставая удивляться происходящему. Откуда этому мальчишке знать о божественном чертоге? Какие знаки он сумел прочесть? Он вообще читать умеет? Вот зачем Царица назначила его на должность Главного Хранителя? На таком ответственном посту, должен быть человек опытный, мудрый, выдавший эту жизнь, как говорят старожилы – стоптавший не одну пару сапог!

– Что же ты предлагаешь? – обернулась Ачима в сторону Лютого.

Воевода откашлялся.

– Матушка, мой счет прост. Митрофан все сильно преувеличил, к тому же у него нет веских доказательств, что грядет какая-то напасть! Разумности нет в его словах! Если и есть какой-то «Творец», то пусть им занимаются наши соседи, он на их землях. Мы сотворим панику, созвав совет! Ведь неравен час и беспорядки могут начаться! Народу-то что, ему повод дай, и он гурьбой пойдет по городу беспорядки чинить!

– Не соглашусь с тобой, Лютой, – сказала Елизара. – Напраслину возводишь на честный Белозерский люд. Ежели мы будем закрывать глаза на опасность, грозящую нам, то она никуда не денется, не растает дымкой прозрачной поутру!

– Княгиня, какая опасность? – хмыкнул воевода. – Все со слов Митрофана! Можно ли верить его словам?

– Митрофан здесь и поставлен, чтобы мы верили в его слова! – Заключила Елизара.

Аксинья еле нашла среди многочисленного царского люда, что жил в Палатах, подружку Паву. Та сидела на скамье в тени раскидистой березы и чистила картошку, напевая под нос незатейливую песенку.

– Пава, Пава! – завопила торговка.

Девушка вздрогнула и выронила из рук очищенную картофелину помимо ведра.

– Аксинья, что случилось? – обомлела Пава.

В голове закружились дурные мысли, девушка словно забыла, что Аксинья та еще паникерша и все, что она говорила, следовало делить на двадцать пять.

– Срочно нужна твоя помощь! – проговорила Аксинья и рухнула рядом на скамью.

Пава оглядела подругу.

– Что с твоими ногами? Тятка заставил за свиньями ходить?

– Потом расскажу, – заерзала торговка, – сейчас мне нужна твоя помощь! Пава, проводи в Царские Покои!

Теперь и нож, выронила помощница кухарки.

– Аксинья, голуба моя, это невозможно...

– Помогите, – взмолилась сплетница, – Митрофан сейчас у Царицы, доклад ей делает! – Она посмотрела по сторонам и понизила голос. – Я его видела в деревне. Вид у него был, ой, божечки!

– Если дело серьезное, воевода на площади выступит, да и поведает нам, чего приключилось. – Простодушно заметила Пава.

– Ага, – кивнула Аксинья и скорчила гримасу, – жди у речки ветерка, так и скажут тебе! До последнего скрывать будут!

Как ни старалась Пава отвязаться от подруги у нее ничего не вышло. Пришлось вести ее через кухню в Палаты. Дело это было рискованное, но Пава знала много лазеек и проходов в Царские Покои. Так же она понимала, что если их застукают за подслушиванием царских бесед, то и головы можно было лишиться.

Однако Пава не могла пойти против себя и отказать в просьбе подружке. Пройдя мимо грузной кухарки Кази, рубившей тесаком свежайший кусок говядины, девицы проникли в просторный коридор. Как мыши они прокрались к лестнице. Аксинья бодрым шагом потопала наверх, но Пава ее одернула:

– Ты куда? – Еле слышно прошептала она. – Иди за мной.

Девушка завернула под лестницу и начала там копать. Аксинья в нетерпенье ерзала на месте. Ей хотелось поскорее оказаться у двери покоев Ачимы и подслушать царскую беседу. О риске лишиться головы она не задумывалась, хотя многие, как и ее тятка, утверждали, будто Аксинья вообще редко думает, а голова ей нужна только для того, чтобы есть.

Из-под ступеней раздался щелчок и тихий скрип. Аксинья учуяла спертый запах. Пахло сыростью, мышами и еще чем-то неприятным.

– Идем, – махнула рукой Пава и скрылась в темноте. Под лестницей был потайной ход. Кто и когда его возвел, ей было невдомек, но пользоваться им было очень удобно. Этот ход ей показал возлюбленный. Мужчина состоял на службе у Царицы и более того занимал высокое положение. Даже частенько проводил ночи в Царских Палатах. Роман их был тайный, поэтому любимый научил Паву пользоваться проходом.

Когда дверь захлопнулась, девицы оказались в полной темноте. Аксинья не успела поднять панику, подруга зажгла факел.

– Пава, – шептала торговка, – откуда ты знаешь про этот ход?

– Тише, Аксинья, нас могут услышать, – бойко следуя впереди, ответила девушка.

Аксинья более не стала допытывать, но в уме поставила галочку, чтобы не забыть спросить Паву, откуда той известно про тайный ход. Ко всему, уж слишком бойко она бежит впереди, будто родилась и выросла в этих лабиринтах. Что-то тут не так.

Тем временем подруги, свернув пару раз из коридора в коридор, поднявшись по лестнице, оказались у каменной стены. Вокруг сильно пахло плесенью, а под ногами что-то похрустывало.

Пава заправски отодвинула один из камней. В коридор просочились чьи-то голоса. Аксинья прильнула к выдвинутому булыжнику.

– Ты права, Елизара, – сказала Ачима. – Закрывать глаза на слова Митрофана нельзя.

Услыхав это, Лютый переменялся в лице. Ощетинился, отчего борода стала казаться еще гуще.

Царица продолжала:

– Но и воевода прав. Мы не можем действовать открыто для народа, поднимать панику дело губительное. – Ачима вернулась на трон. – Митрофан, тебе надобно тайным образом оповестить Хранителей, дабы они прибыли на совет. А также пригласить провидицу Воглаву. Совет, указываю, назначить на Русальной седмице.

– Ничего не могу разобрать, – прошептала Аксинья. Как она ни старалась, слова оставались для нее неразборчивым потоком.

– Совсем ничего? – напряженно переспросила Пава.

– Ерунду какую-то говорят. – Торговка напрягла извилины и начала цитировать. – Митрофану, говорит, глаза надо закрыть, иводы правы, ржем открыто для народа. Оповестить храниителей, чтобы прибыли в кювет. Еще сказала пригласить проводницу во главе... Ничегошеньки не понятно!

Что-то бормоча под нос, она решила сделать чуток свободнее отверстие и вынула камень полностью. Пава в ужасе застыла, глядя на довольное лицо Аксиньи, по которому бегали извивающиеся тени от факела.

– Другое дело, – довольно цыкнула торговка маслом.

Тем временем Царица молвила.

– На Русальной седмице народ будет веселиться, праздновать. С других поселений в Велиград люд приедет. Хранители смешаются с толпой и останутся незамеченными... – Ачима замолчала и дернула носом. – Чем это несет?

Все начали принюхиваться.

– Кажись сыростью и навозом, – пробормотал воевода, наморщившись.

Услыхав эти слова, Аксинья мигом попыталась вставить на место камень, а Пава стояла как вкопанная. Девушку сковал страх, по телу побежал озноб.

– Помогай, – прошипела Аксинья, пытаясь втиснуть булыжник в дыру, – чего стоишь!

– Вы слышали голос? – озираясь, спросила Царица.

Глава 2

Митрофан смекнул от кого несет навозом.

– Матушка, – с пылом начал он, – позволь и мне высказаться.

– Говори, Митрофан, – кивнула Ачима и добавила, – воевода, немедля разберись с ушами...

Хранитель затаил пламенную речь, расхаживая пред Царицей и княгиней. Иногда невольно он смотрел на княгиню Елизару. Все его нутро замирало. Мужчина вдохновенно и с трепетом ловил каждое ее движение, каждый взмах ресниц. В этот день, подумал Митрофан, она особенно хороша. Ему безумно хотелось подойти к ней ближе, ощутить ее запах, ее дыхание, теплоту ее рук.

В какой-то момент его мысли были заняты полностью прекрасной девицей. Он не слышал своей речи и не понимал, что говорит. Совершенно забыл про Аксинью, которая явно была поблизости. Про Лютого, который пошел ее излавливать и возможно сейчас волочил сплетницу за косу в подземелье.

Из романтического дурмана его вырвал голос Ачимы.

– Отправляйся завтра же в путь, – Матушка сделала паузу, – и поспей за четыре седмицы.

Митрофан откланялся. Напоследок взглянув на княгиню. Его сердце вновь замерло, Елизара смотрела на него. В ее широко распахнутых серых глазах, он увидел тревогу. Она взволновалась о нем. Значило ли это, что он ей не безразличен?

Как только мужчина оказался в коридоре, сразу направился разыскивать воеводу. То, что не было слышно визга и ора, его немного успокоило. Значит, Лютой не застучал Аксинью на месте преступления.

Аксинья, засунув камень на место, бросилась наутек и потянула за собой Паву. Подруга от страха еле передвигала ногами. Однако это не помешало им вовремя скрыться из слухового коридора и затаиться на кухне.

Девушки сидели за столом раскрасневшиеся и тяжело дышали.

Прищурившись, тетка Казя сказала:

– А вы чего такие красные, как брюквы в кипятке? Чего натворили?

– Тетка Казя, – залепетала Пава, – ей богу, ничего!

– Жарко тут у вас, – обмахиваясь, добавила Аксинья, – от печки, вот и раскраснелись...

– Ну, смотрите, – вытирая руки о накрахмаленный передник, смешком пробубнила кухарка. – Лютой заходил, искал грязнулю в навозе, ту, которая царский разговор подслушивала.

Девушки переглянулись.

– Сказал, что когда отыщет ее, в подземелье отправит, а потом голову срубит, – добавила Казя.

– Ой, что же делать-то!!! – заревела Пава. Из глаз девицы хлынули потоки слез. – Ой, ой, ой...

Аксинья вскинулась, посмотрела на свои грязные ноги и подобрала их под юбку.

– Засиделась я у вас, – торопливо прочирикала торговка маслом, – домой побегу...

– Беги, Аксинья, – очередным смешком пропыхтела крупная повариха, – и не топчись на царской кухне почем зря!

Как только неугомонная девица скрылась за дверью, Казя под села к Паве и погладила ее по голове. Потом налила воды колодезной и сказала, что Лютой о ней не думает даже, а она никому не скажет. Допытывать более ни о чем не стала, прекрасно понимала, что подстрекала ее Аксинья, а той уже и след простыл. Казя всегда переживала за Паву. Хорошая, добрая дев-

чонка. Наивности у нее было много, да вот только ничего не сделаешь, так ее наградила природа. Каждый мог обмануть простодушную Паву. Тут еще эта Аксинья, вечно плела веревки из подопечной кухарки.

Митрофан, разведав, что Лютой никого не сыскал, побрел домой. Аксинье и на этот раз удалось выйти сухой из воды.

Хоть и получил он высокое звание и имел право на каменный терем в городе, но все равно по-прежнему жил в деревне за стеной. Избу эту строил еще его дед, латал и достраивал отец. Теперь изба с резными наличниками досталась во владение ему.

Затворив ворота, Митрофан поднялся на крыльцо, снял тяжелые сапоги и вздохнул с облегчением. Должность обязывала его облачаться в форму из паволоки на шелковой подкладке. Рубаха очень уж неудобная была, твердый ворот натирал шею, а в кожаных сапогах ноги гудели, словно Митрофан их день в кипятке держал.

У двери в избу витал хлебный аромат. Хозяюшка, Настасья, жена Митрофана, только что испекла пышные булочки с хрустящей румяной корочкой.

В светлой горнице у печи стояла хрупкая девица. Широкий белый сарафан придавал ей еще большей легкости, казалось, что девица совсем невесома. Красивые большие глаза, бездонные, лучезарные. Коса спадала до самых пят. Завидев мужа, девица засияла, будто из нее шел божественный свет.

Митрофан устало взглянул на нее. Этот взгляд Настасья видела не в первый раз. Взгляд холодных глаз преследовал ее почти год. Девица не показывала вида и как хорошая жена старалась быть идеальной хранительницей домашнего очага. Окружала мужа теплотой и заботой в надежде, что он отгадает, и в их жизнь вернутся те тепло и любовь, которыми он ее покорила, и она стала его женой.

Девушка не решалась приставать к мужу с расспросами. Сама рассудила так, что у него высокая должность, усталость на службе. Митрофан неоднократно говорил, как устает от службы в змеином гнезде. Возможно, была еще одна причина его холодности. Эта причина страшила Настасью больше всего. У них не было деток. Как только они справили свадьбу, муж много говорил о своих мечтах касаясь детей. Хотел рождения сына, наследника. Настасья и сама всем сердцем стремилась стать матерью, но видно еще не пришло время и боги никак не посылали им чадо. Теперь же Митрофан на этот счет молчал.

Девушка накрыла на стол. Муж, не вдаваясь в подробности, сообщил о срочном отъезде по царской надобности.

- Митрофанушка, – говорила Настасья, – когда же ты воротишься домой?
- Не знаю, – хмуро покачал головой мужчина, – как выполню волю Царицы.
- Совсем ты дома нечасто бываешь, – с грустью сказала она.
- Служба у меня такая, – как всегда буркнул Митрофан.

Тяжело ему было вести беседы с женой. Еще тяжелее смотреть в ее лучезарные глаза, что покорила его сердце несколько лет назад. Душа у него болела от вины тяжелой. Он клялся любить ее всю жизнь, заботиться, оберегать... А сам? Предал? Умом он это понимал, а сердце отказывалось слушать разум. Сердце теперь стремилось к другой, прекрасной Елизаре. Словно каждый удар его сердца, был теперь только для княгини.

Луч света в непроглядной тьме.

И вот сейчас, когда тело Митрофана любило Настасью, обжигало ее кожу пылкими поцелуями, а руки ласкали ее прелестные изгибы, глаза видели Елизару. Словно в эту минуту с ним в постели была запретная княгиня. Митрофан еле сдерживался, чтобы в минуту высшей страсти не назвать ее по имени.

Аксинья примчалась домой. В голове созрел план. Если Лютой, все же, дознается о ее оплошности, она должна отнекиваться. Пава то понятно, под крылом кухарки Кази. Старая интриганка прикроет свою любимицу. А кто позаботиться об Аксинье? Тятка? Что он может, бедный заводчик свиней. Его ум заострен на то, сколько и чего положить в корма свиней, дабы они росли круглыми и жира в них было побольше. Еще кумекает кому по осени выгоднее продать сало да жир. Ну, ничего, она сама о себе позаботиться!

Девушка выскочила в ограду. Налила колодезной воды в корыто и принялась мыть ноги. Вода стуженая. Аксинья морщилась и закрывала глаза от каждого соприкосновение рук с ногами.

– Акси, воды нагреть тяжело? – сказал тятка, увидев, чем занимается доча.

– Некогда, – прошуршала Аксинья, – тороплюсь.

– Это куда мы так торопимся? – добродушно осведомился тятка. Пожилой мужчина невысокого роста с круглым животом, присел на соседнюю чурку. – На свидание с Серго торопишься?

– Делать вот мне нечего, – фыркнула Акси, – с Серго на свиданки ходить. Он с другой деревни, пришлый.

Тятка рассмеялся.

– И что ж, не человек он теперича? Ты ему любя, я-то вижу это... А он тебе?

Вытирая ноги обрывком плотной тряпицы, Аксинья напустила невозмутимый вид и добавила немножко неприязни.

– Мне он безразличен!

Такой ответ еще больше позабавил тятку.

Из избы вышла матушка.

– Путята, Аксинья еда стынет, за стол пора.

– Тятка, Матушка, – сдерживая переживания начала Аксинья, – мне надобно пойти в лес, за шишками. Масло на исходе, так и торговать скоро нечем будет.

Путята посерьезнел.

– Какие шишки, доча? Чего-то натворила?

Акси опустила стыдливо глаза и тут же их подняла, чтобы себя не выдать. Впутывать родителей она не собиралась.

– В лес говорю, пойду, за шишками. Мне Настасья, Митрофанова жена, по большому секрету сказала, что за Ельской речкой, за Бухоновым холмом в дальнем леске шишек прошлогонних полно. Мне сейчас запасы надобно пополнить.

– Доча, – всплеснула руками матушка, – так завтра и пойдешь, сегодня-то сумерки уже.

– Милые мои, – с наигранным весельем завела Аксинья, – Настасья уже по деревне разнесла, пока до завтра буду ждать, все за ночь расхватают. – Она помолчала. – И еще, коли, кто будет про меня наведываться, скажите, что за шишками с утра ушла.

Родители переглянулись, но промолчали. Кивнули. Аксинья не поняла, догадались ли они, уличили ли ее во вранье, да только не до этих раздумий было. Девушка взяла кулек, положила съестных припасов, кувшин воды прихватила. Закинула все в ратку и, толкая ее перед собой, направилась к Ельской речке. Ратка была до жути неудобная. Одно колесо меньше другого, поэтому тачка все время норовила завалиться на бок. Деваться некуда. Пришлось взять ратку с собой, для правдоподобности.

Аксинья брела по улице и под скрип колес наблюдала, как небо становится черным, как загораются звезды на небосклоне. Волшебное время. С детства ей не давало покоя такая магия. И как это происходит?

Воздух наполнился ночной прохладой и особым запахом. Аксинья называла его запах ночи. Шла и вдыхала полной грудью. Наслаждаться этим мгновением по полной мешали голоса деревенских ребят. Парни и девчата опять собрались гурьбой и сидели на пряслах. Шутили,

смеялись, пели песни. Совсем скоро Русальная седмица. Некоторые из них ходят парочками. Акси́нья точно знала, что почти все парочки в эту неделю сыграют свадьбу. Благое дело в благо́ую седмицу.

Как только девица покинула пределы деревни и оказалась в поле, голоса остались позади, а вскоре стихли вообще. Токма она, большая луна, луговая трава по пояс и лягушки. О чем они говорят? Квакают на слух полтыщи, не меньше. Полчище лягушек и их странные песни.

Акси решила устроиться на ночлег. Ночевка под открытым небом ее не пугала, а даже наоборот, казалась романтической. Ко всему, живот распевался голодным журчанием. Девица поставила ратку на обочину, расстелила на траве большой платок и устроилась на нем.

Преступив к скромному ужину, услышала среди кваканья шаги. Кто-то второпях неся по дороге. Сердце бешено заколотилось, а руки похолодели. Стража по ее душу, Лютой уже в курсе ее местонахождения.

Девушка упала на спину и ловко покати́лась в высокую траву. Единственное, что пришло на ум в тот момент. Акси́нья замерла, моля всех богов, чтобы ее не обнаружили.

Шаг замедлился. Идущий явно один. Остановился. Значит, уже обнаружил ратку и платок. Начала ругаться на себя, за то, что не ушла подальше от дороги. Кто ж так делает? Верно тятка говорит – ума с полчайной ложки!

– Акси́нья, ты где? – послышался знакомый голос. Мужской.

Акси не намерена была обозначать свое нахождение.

– Ксиня, выходи, это я...

Все, дальше он мог молчать. Акси́нья поняла кто это. Серго. Только он так ее называл – Ксиня. Что за дурацкое имя и дурацкий Серго!

– Чего тебе? – недовольно спросила Акси́нья, показываясь из своего тайного укрытия.

Мужчина обрадовался находке. Он уже начал волноваться, когда нашел только ратку. Мало ли, что могло приключиться с такой ладной девицей в темном лесу.

– Я к тебе, – радуясь и в то же время, смущаясь, объяснил кавалер, – хотел пригласить тебя погулять. Вечер сегодня хороший.

– Нашел время, – поднимаясь, недовольно заметила Акси, – я тут делом занята, так что мне не до твоих глупых прогулок.

– Ксиня...

Девушка прервала ухажера, подняв руку.

– Не называй меня так, сколько раз повторять? Как ты меня нашел?

– Твой тятка сказал, мол, ты на Ельскую речку пошла за шишками. Я токма не понял, сейчас-то какие шишки? Не созрели же еще, родимые...

Акси́нья подошла к нему. От валянья в траве ее сарафан был измазан, как и лицо, а волосы выбились из-под очелья и торчали в разные стороны. Она нарочито надула губки.

– Серго, это не твоего ума дело!

Мужчина потупился. Акси́нья его манила. Ее фигура, тонкая шея, сладкие пухлые губы. Как же ему хотелось заключить ее в своих крепких объятьях и никогда не отпускать. Целовать, нежить, ласкать. Вот токма Акси́нье, видимо, этого совсем не хотелось. Но, Серго был не из таких, что быстро отступаются. Мужчина желал, чтобы эта девица стала его, и прилагал все усилия.

– Ладно, Акси́нья, – хмыкнул Серго, – коль я тебе помешал, пойду тогда.

– Иди, – кивнула Акси, отряхивая юбку.

Она подняла глаза.

Серго. До чего он красив. Высокий, ладный мужичок. Смоляные волосы, грубая щетина. А каков профиль! Глаза пыльные, стоит в них посмотреть и внутри страсть так и начинает пылать. И чего он не уходит?! Встал как вкопанный. Легкий ветерок колыхал кудрявистые

волосы, а в широко распахнутых, блестящих глазах отражалась луна. Ему не пришлось по вкусу ее ответ. Желваки напряг, губы поджал.

На самом деле, Аксинье не очень хотелось ухода Серго. Ночью в поле было боязно, как бы девица не храбрилась, но показывать свой страх она не намеревалась.

– Чего спросить хочешь? – осведомилась торговка с напускным равнодушием.

– Не могу оставить тебя одну, – уверенно сказал Серго, – я никуда не пойду. Если волки выйдут? От тебя одни черевички останутся.

Довольная таким ответом, Акси с напускным безразличием пробормотала:

– Я волков не боюсь. А ежели тебе делать нечего оставайся, токма не мешай мне трапезничать, день ничего не ела.

Она устроилась на свое место и приступила к еде. Серго отошел поодаль и сел на кочку. Уставился на небо, будто хотел все звезды на небосклоне пересчитать.

Через пять минут, Аксинья сказала:

– И чего ты там расселся? Коли остался, так присоединяйся к моей скромной трапезе.

Мужчина, молча, устроился рядом. Акси отломил кусок булки и, положив сверху шма-ток соленого сала, протянула кавалеру. Налила в глиняную кружку воды.

– Кружка у меня одна, – подавая воду, язвительно проговорила, – не побрезгуешь с моей кружки пить?

– Не побрезгую, – ответил Серго и обхватил кружку рукой, прижав и ее пальцы.

Аксинья вздрогнула от его прикосновения. Немного помедлив, высвободила руку, сделав вид, что ничего не заметила.

Наевшись, парочка отошла с дороги вглубь луга. Ратку Серго поставил в высокой траве, дабы ее не было видно. Он догадался, что Аксинья убежала из деревни не потому, что ей срочно понадобились шишки, а потому что опять натворила каких-то дел. Расспрашивать не стал. Не хотел разозлить. Ежели пожелает, сама все расскажет. Сейчас для него было важно их романтическое одиночество в ночном лугу. Вокруг никого, только лягушки да сверчки. Ксиня совсем беззащитная, хоть и храбрится. Весь этот момент доставлял ему какое-то необычайное удовольствие.

Они улеглись спать. Аксинья на платок, а Серго поодаль в траве. Мужчина быстро задремал. Проснулся от тихого шуршания. Ненаглядная ворочалась и ерзала. Серго почувствовал, как его уши щиплют.

Похолодало. Кавалер не смог припомнить, когда было такое, чтобы в жаркие месяца ночью так холодало.

– Ксиня, ты замерзла?

Девица ничего не ответила. Серго приблизился к ней. Девушка куталась в платок и сильно дрожала.

– Давай, я лягу рядом и обниму тебя...

– В-вот е-ще... – стуча зубами, запротестовала Аксинья.

Кавалер не послушал ее, прижался и заключил в объятья. Ксиня начала слабо сопротивляться, но против рослого Серго у нее не было шансов. Да и сопротивлялась она больше для вида. Спустя пару минут успокоилась и засопела. Серго трепетал. Ночь исполнения мечтаний. Желанная дева в его объятьях. Он зарылся носом в ее волосах и, вдыхая сладкий аромат, уснул.

Лютой лежал обнаженный в постели. Он крепко обнимал прекрасную девицу. Сегодня у него была ночь сладострастных утех. Воевода сжимал упругие бедра, жадно лаская аккуратную грудь.

– Так и передай ей, – говорил он в перерывах между поцелуями, – чтобы рядом с Царскими Палатами не думала проходить, чертовка! – Лютой перевернул девицу на живот и при-

нялся покусывать в пылу страсти нежную спину красавицы. – Царице я доложил, будто никого не было, мол, почудилось ей.

Сладко постанывая, девица проговорила почти шепотом:

– Разве могла поверить Ачима твоим словам, коли сама слышала голос Аксины...

Спускаясь к талии пылкими губами, воевода прохрипел:

– Поверила... мне она всегда верит...

Глава 3

С первыми лучами солнца завели утреннюю песню петухи. После, на редкость, студеной ночи они распевались неохотно.

Хозяюшки вышли во дворы и принялись за уборку. Утренний удой буренок, кормежка и выгон на пастбище. Некоторые особо спешили, ведь надобно было еще процедить парное молоко и отправить с извозчиком на царскую кухню.

Царский двор так же поднимался с первыми петухами. Печники разжигали печи. Кухарка с помощницами бралась за готовку завтраков. К тому времени привозили парное молоко, и тетка Казя делила его на две части. Первая шла на варку каши, а вторая на перегон сливок. Отгон заливали в огромные кастрюли и варили творог.

Как только солнышко поднялось выше и совсем потеплело, ожили птички. Заливаясь на разные голоса, они сновали тут и там в поисках лакомства. Деревенские мальчишки помогали пастуху собрать в табун коров и проводить на сочные луга.

Деревня, город окончательно пробудились после ночи.

Настасья поднялась еще до петухов. Наварила каши и собрала в дорогу мужу котомку припасов. В такие дни, перед его отъездами по царским делам она всегда тревожилась. Молила всех богов, чтобы путь его был неопасным, чтобы воротился домой целым и невредимым.

Митрофан как всегда был хмурным. Ел мало, все смотрел в окно и о чем-то размышлял. Собравшись, он поцеловал жену и отбыл. Путь его лежал к Бухонову холму. Там на опушке под вековыми дубами стояла изба.

Провидица Волгава обитала там. Из деревни ушла много лет назад. Устала от вереницы страждущих. Очереди тянулись вдоль улицы от первого до крайнего дома. А у нее своих забот было полно. Травы луговые в определенное время надо собирать, обереги мастерить и царская служба. Тогда престол занимал Царь, батюшка Царицы Ачимы. С него и началась тесная дружба Царской семьи и провидицы. От многих напастей она оберегла Белозерье.

Хранитель запряг своего вороного коня и двинулся в путь.

Лютой проснулся от собственного храпа. Ночная гостья ушла с первыми петухами. Голова, словно раскалывалась на две части. Вчера он переборщил с бражкой. Каждый раз зарекался пить брусничную бражку, но данное слово нарушал. В конце концов, воевода смирился и принял тот факт, что наверняка у него такая натура – переменчивая.

– Уйка! – крикнул Лютой осипшим голосом. – Уйка, бездельник! Где тебя носит!

Дверь отворилась. В покоях очутился молодой мужчина. Опрятно одетый в царскую форму, с прилизанной головой. Острые изгибы лица делали его внешность схожей с лисом. Мужчина был подручным воеводы и служил в должности завоеводы.

– Батюшка воевода, – засуетился Уйка, – опять вчера перебрал...

– Не твоего ума дело! – огрызнулся Лютой. – Помоги встать, надобно помыться и к трапезе спускаться. Царица будет недовольна, ежели опоздаю.

Завоевода проводил батюшку до умывальни. Бережно помог умыться и одеться.

Перед тем как идти в трапезную, воевода, кряхтя, рухнул на лавку у двери.

– Уйка, дело у меня к тебе особой важности, – он сделал жест рукой, дабы завоевода проверил, нет ли кого за дверью. Мужчина выглянул в коридор. Никого.

Девушки помогли княгине Елизаре собраться к трапезе. Умыли, расчесали костяными гребешками смоляные волосы. Вечно они спутывались из-за густоты. Одели сарафан и повязали очелье.

В это утро беспокойно было княгине. Девицы в умывальне шушукались, что ночь до странности холодная была. Ко всему, еще и от мужа не пришло весточки. Князь Колояр отправился с купцами на чужбину по Восточному морю. В свое отсутствие оставил Елизару на попечение золовке Ачиме.

Путь предстоял долгий и опасный. Колояр никогда не страшился опасностей. Отважный воин. Жаждающий открытия новых земель, народов и налаживания торговых путей. Каждую седмицу от мужа прилетал голубь с посланием. Князь писал о том, как проходит плавание, что все в полном порядке, припасов хватает. Встреченные штормы, слава богам, оказались не губительными и особого вреда ни команде, ни кораблю не нанесли.

А тут на ее голову еще Митрофан. Когда он на нее смотрел, ее пронизывало странное чувство. Внутри все замирало. Хотелось отвести взгляд и в то же время заглянуть в его серо-зеленые глаза. Что за дурман на нее спускается в его присутствии? У нее прекрасный муж, да и он женат на первой красавице Велиграда.

Перед очами вновь возник бравый мужчина. Казалось, что сейчас он протянет к ней свои большие и горячие руки. Дотронется до ее нежной кожи, обжигая своим теплом. Боже! Елизара вздрогнула, наваждение рассеялось. Княгине стало тошно от своих мыслей. Надо их прогнать навсегда. У нее замечательный муж, которого она всем сердцем любит. Она клялась ему в верности.

Девушка вышла в коридор и поспешила в трапезную. Шагов ее не было слышно. Черевички на каблучках мягко ступали по шерстяной дорожке. Княгиня ругалась на себя за постыдные мысли к женатому мужчине.

У одной из дверей раздался голос с хрипотцой.

– Уйка, слушай меня внимательно... – воевода понизил голос, – надобно пользоваться моментом. Пора избавить нас всех от Митрофана.

– Подставим? – злорадно отозвался завоевода.

Лютой издал звук похожий на плевок.

– Нет, Ачима хоть и держится неприступной Царицей, очень уж благосклонно относится к этому выскочке. Затеет разбирательство, выяснит, кто его подставил. Полетят наши головушки в лозовую корзину. Решить вопрос надо наверняка!

– Ага, – цокнул Уйка.

Воевода продолжил.

– Митрофан отправился к провидице. Ты должен последовать за ним и убить гаденыша.

– Как с ним справиться, батюшка воевода? – отозвался завоевода.

– Средство имеется одно... – Лютой помолчал. – Яд угря с восточных морей. Смажь им наконечник стрелы. Достаточно царапины и Митрофана будет не спасти.

Услыхав его слова, Елизара не стерпела и распахнула дверь.

– Лютой, не думай, что план твой выйдет! Я сейчас же доложу Царице, и тебе голову отсекут! Паршивец!

Воевода замер, Уйка забился в угол. Не ожидали заговорщики, что их план будет раскрыт княгиней.

– Матушка, – заговорил воевода, помрачнев, – ты все не так поняла.

Пройдя в покои, Елизара рассмеялась.

– Молчи, не зарывай себя окончательно! Прибереги слова для палача!

– Уйка, – пробасил Лютой, вцепившись в руку княгине, – вяжи ее!

Заговорщики набросились на Елизару. Уйка воспользовавшись поясом, опутал руки княгине, а воевода туго стянул ноги. В рот вставили табачный мешок, чтоб не кричала.

– Что будем с ней делать? – пыхтя, поинтересовался Уйка.

Воевода обтер рукавом вспотевший лоб.

– Княгиня сама себе подписала приговор. Как стемнеет, отвезешь ее на болото и утопишь.

Уйка обомлел. Ноги подкосились.

– Батюшка, так ведь хватятся ее... Князь приедет, будет искать супружницу. Царица будет заловку разыскивать. А ежели дознаются нам точно голов не сносить.

– Лес рубят, щепки летят. – Оскалился воевода. – Выставим все так, будто княгиня с Митрофаном сбежала. Я давненько заметил, как они переглядываются, томные вздохи. Роман у них. Князь узнает о похождениях женушки, и знать блудницу не захочет.

– Батюшка, ты голова, – залебезил Уйка.

Приведя себя в опрятный вид, воевода с подручным пошли в трапезную. Решили так: ночью Уйка отвезет на болота княгиню, а с утра отправится за Митрофаном. К провидице не успеет его нагнать, поэтому направится к Северным горам. Потому как Митрофан туда путь будет держать после Волгавы.

Заговорщики заперли дверь преисполненные уверенностью, что никто в их отсутствие не войдет в покои.

Аксинья, проснувшись, потянулась. Зевнув, открыла глаза. Совсем заспала тот факт, что находится в поле с Серго. Мужчина лежал за ее спиной и крепко обнимал. Акси хотела возмутиться, а потом решила сделать вид, будто спит. Побыть в его объятиях. Немного повалявшись, аккуратно повернулась. Рассматривала его лицо. А он очень даже симпатичный. И смешно сопит.

В какой-то момент Серго глубоко вздохнул и открыл глаза. Аксинья сделала серьезный вид.

– Кто тебе позволил меня обнять?

– Доброе утро, – улыбнулся мужчина.

– Вопрос повторить? – дерзко фыркнула Акси.

– Я это сделал, потому как, ты замерзла, могла простудиться.

Вздорная девица расцепила его руки и поднялась.

– Ой, токма давай без оправданий. – Она важно поправила юбку и выдернула платок из-под Серго. Демонстративно потрусил его и направилась к ратке.

Мужчина смотрел ей вслед и думал, как же она хороша, чертовка.

– Так и будешь валяться?

– Уже иду...

Аксинья подхватила ратку и с усилием покатила по луговым кочкам. В итоге, та завалилась на бок.

Серго подоспел на помощь. Торговка маслом, естественно, для вида поупрямилась. Начала активно отказываться от его помощи. Отправляла восвояси. А он все равно остался. Взял ратку и покатыл за вздорщицей. Аксинья решила добраться до реки, там разжечь костер и приготовить что-нибудь на завтрак. В душе она надеялась, что Серго наловит рыбы. После сытного ужина на двоих, припасов осталось совсем мало.

Девица была права. Серго смастерил копьё из ивовой ветки, снял рубашку и вошел по пояс в реку. Девушка в тот момент не могла глаз отвести от мужчины. Кроме приятной внешности, он обладал атлетическим телом. Акси себя одернула, вот еще влюбиться в него не хватало. Он пришлый, не из их деревни. Разве можно полюбить пришлого?

Наловив рыбы, красавчик развел костер. Почистил рыбу. Ножом, что всегда был при нем, срезал несколько тонких веток и ошкурил их. Насадил рыбу и поджарил на огне.

Аксинья наблюдала за спутником, восседая под ивой. Где-то вела подсчет кукушка. Журчала река. И он. Полуголым готовит завтрак. Видела бы сейчас Аксинью Пава, с ума бы сошла от зависти.

Серго развел руками.

– Жалко нет посуды для чая. Сейчас бы заварил, вон тут сколько дремухи.

Акси помолчала, а потом хитро улыbnулась.

– В ратке есть медный котелок...

Мужчина нарвал молоденьких листочков дремухи, помыл в проточной воде и повесил над костром медный котелок.

Девушка устроилась у костра. Хворост приятно потрескивал. Ветра практически не было, дым размеренно поднимался вверх, иногда все же вилял из стороны в сторону.

Ароматную рыбку Серго положил на лопуховые листья.

– Угощайся, – по-хозяйски сказал мужчина. – Чай почти готов. Пить будем с одной кружки, ты же не побрезгуешь?

Он внимательно смотрел в ее голубые глаза.

– Не побрезгую, – ответила Акси.

Трапезничали в тишине. Не замолкала лишь речка.

Серго прервал молчание.

– Ксиня... – он осекся.

Девушка прищурилась.

– Аксинья, – исправился мужчина, – может, не будешь скрытничать, поведаеть, чего натворила? Мне-то про шишки не надо рассказывать...

Она молчала. Раздумывала. Стоит ли ему доверяться? И не утерпела. Все в подробностях поведала. Про Митрофана, про ход в стене и как подслушивали и про страх, что Лютой догадался о ее вылазке и теперь отрубит ей голову. Про план рассказала. Ей надобно теперь отсидеться седмицу или две в лесу, мол, шишки собирала, ничего не знала, не ведала и в Палатах не бывала.

Выслушал ее Серго и сказал:

– Ежели Лютой на тебя охоту открыл, ты б не рыбку кушала, а в подземелье томилась. Думаю, бояться тебе нечего, можно домой идти. А коль, вопросы к тебе возникнут, скажу, вместе были у меня.

Аксинья вскинула брови.

– Срам-то какой! У мужчины незамужняя дневала!

Серго пожал плечами.

– Скажем пара мы, свадьба скоро...

Девушка тут же возмутилась. Ну, Серго, у него токма мысли об одном. Поскорее ее в жены взять. Ничем не гнушается, каждую ситуацию под себя воротит.

Разойтись торговка не успела, послышался топот копыт. Она вскочила и помчалась на пригорок.

Митрофан скакал в галоп на коне своем быстроногом. За спиной лук да стрелы, а в ножнах меч булатный.

– Митрофанушка... – завопила Аксинья и пустилась к дороге.

Елизара пыталась освободиться, только ничего не выходило. Ироды крепко спутали ее по ногам и рукам. Силы закончились.

За дверь послышался шорох и тихий голосок:

– Лютой, батюшка, ты в покоях?

Ответа не последовало.

В двери повернулся ключ.

Пава осторожно вошла. Поначалу девушка не заметила связанную княгиню, но лишь заметив ее, бросилась на помощь.

– Матушка, – приговаривала Пава, развязывая узлы, – кто это тебя так?

– Добрая Пава, лучше тебе не знать о злодее, иначе сама пострадать можешь, – отвечала Елизара.

– Может, он и не злодей, – наивно восклицала помощница кухарки, – оступившийся человек...

– Хорошая ты, Пава, – заметила княгиня, окончательно освободившись от пуд. – Ступай на кухню и никому не говори, что здесь была и меня выручила.

Девушка пообещала послушаться Елизару. Сама княгиня направилась к Царице Ачима, поведать о злодеяниях воеводы Лютого. Но Матушка после трапезы отбыла на конную прогулку до озер.

Времени не было ждать. Княгиня решила предупредить Митрофана об опасности. Она облачилась в мужскую форму, оседлала скакуна быстроходного и отправилась вдогонку за Главным Хранителем.

Уйка и Лютой сопровождали Царицу. Но на полпути воевода пожаловался на плохое самочувствие, и Ачима отпустила его в сопровождении завоеводы.

Лютому же надобно было исполнить задуманный план. Он направился к дому Митрофана.

– Хозяйка, – отворив ворота, – выкрикивал Уйка, – встречай гостя дорогого.

На крыльце показалась Настасья.

– Лютой, с чем пожаловал?

– Настасья, поговорить надобно, – прогудел Лютой. – О муже твоём речь будет.

Девушка разволновалась. Сердце бешено заколотилось, дыхание участилось. Настасья провела неожиданных гостей в избу.

Уйка расхаживал по горнице, рассматривая все вокруг. Воевода сел на лавку за столом. Хитрец напустил на себя вид, будто очень сожалеет и не знает, как сообщить девушке какую-то новость.

– Не томи, воевода! – Резко сказала Настасья, окончательно потеряв покой. – Что с моим мужем?

От волнения девушка взяла кончик косы и начала его теребить.

Лютой скорчил сочувственную рожу.

– Жив твой муж, не о том речь... – воевода провел рукой по скатерти, – дело в другом. Полюбовница у него есть.

Руки Настасьи выпустили кончик косы и выпрямились. Эта короткая фраза поставила все на свои места и разрушила все, что было. Разрушила за секунду всю ее жизнь.

Полюбовница.

Вот почему он так холоден с нею и не смотрит в глаза. Молчалив, задумчив. Про детей ни слова не проронил уже как год. У него другая. Настасья и мысли такой не допускала, будто ее муж способен на предательство. Он же клялся хранить верность.

А вдруг воевода лукавит? Очерняет Митрофана.

Настасья глубоко вздохнула и присела на лавку.

– Как давно?

Лютой напрягся, делая вид умственного подсчета. На самом деле он сказал первое, возникшее в мыслях.

– Цельный год изменят тебе, Настасьюшка. – Воевода пододвинулся и сгреб ее миниатюрные руки в свои грубые ладони. – Я как узнал, стерпеть такого не смог, решил тебе рассказать. Пусть горькая правда, но теперича ты свободна, больше он не причинит тебе зла.

– Кто она? – тихо спросила девушка. Ее лучезарные глаза смотрели, словно через стены, не замечая ничего и никого.

– Полюбовница княгиня Елизара, – Лютой сочувственно вздохнул, казалось, воевода сейчас пустит слезу. – Князь за морем, а она бесстыжая шашни крутить начала.

Интриган сделал паузу.

– Самое ужасное, – продолжил он, – Митрофан с Елизарой сбежали.

Настасья отдернула руки и отпрянула. Сбежали? В душе раздалась боль. Обжигающая. Девушке хотелось закричать.

– Вам пора, – проговорила Настасья и указала на дверь.

Как только это парочка ретировалась, Настасья рухнула посередь горницы и принялась горько плакать о своем разбитом счастье. В голове крутились те моменты, когда им было так хорошо и светло вместе, когда их сердца пылали от любви друг к другу.

Глава 4

Аксинье удалось перехватить Митрофана. Хранитель слез с коня и прошел к привалу. Торговка без прикрас выболтала о своих приключениях Хранителю. В ее бездонных голубых глазах затаилась надежда на спасение. Она пребывала в уверенности, что Митрофан выручит.

Хранитель выслушал рассказ Аксиньи, отхлебнул поданного душистого чаю и нарочито проговорил:

– Вот сколько раз было тебе сказано, не лезь в кипящий котел, сварись! Нажила себе врага, да еще какого! Подлого. У которого нет ни совести, ни чести.

От услышанного Акси обомлела. Девушка побледнела, лицо выражало гримасу страха.

– Не пугай ее, – вступился Серго, – не все так страшно.

Мужчина взял за руку Аксинью, но она быстро освободила свои тонкие пальчики из его крепкой ладони. Серго заглянул в глаза Ксини и заметил в этих озерах кроме страха что-то еще. Недовольство?

Торговка и вправду была напугана не настолько, насколько хотела показать Хранителю. В момент нотаций Митрофана, которые она слышала не в первый раз, девушка прикидывала: «Так, так... Хранитель при полном снаряжении скачет к Бухонову холму. Зачем? Там же живет ведьма Волгава! Вот дела!».

– И поделом ей, – продолжал Митрофан, – будет думать в следующий раз!

Хранитель нахмурился, сделал еще пару глотков чаю. Сердито окинул взглядом парочку.

– Ладно, – поставив кружку, милостиво вздохнул Митрофан, – Серго, поручаю тебе смотреть за этой взбалмошной девушкой. Ничего не бойтесь. Я в обиду Аксинью не дам, но это последний раз! Ежели еще раз вытворит подобное, сама будет отвечать перед Царицей! Ступайте смело в Велиград. На все вопросы скажите, что ответ за Аксинью держит Хранитель, – Митрофан вынул из-под брони медную печать и протянул Серго. – Покажите мою печать.

На лице Серго засияла улыбка. Он принял печать и пожал руку Митрофану. В этот момент они замерли, оба понимая, что в такой важный момент в жизни Аксиньи (при ее-то страхе перед наказанием за содеянное) слишком тихо. А где же ее знаменитое сопрано? Крики радости? Бесперывная спутанная болтовня?

Мужчины не сговариваясь, посмотрели на торговку.

Девушка уставилась куда-то вдаль стеклянным взором, закусив губу.

– Ксиня? – прищурившись, произнес Серго. В груди что-то екнуло. В голове мужчины пронеслась мысль: «Неужели она что-то затевает?!».

– Не называй меня так, – медленно сказала торговка. Она взглянула на спутников, опомнилась, встрепенулась и быстро приняла прежний вид, лишь с одним «но». В ее мыслях созрел очередной план. Чего ей теперича бояться? Из длинных и нудных речей Митрофана, она услышала, что он ей поможет. А как иначе? Митрофан ведь Хранитель, он всем помогает, если конечно проступок пустячный. Тем более они соседи, почти родственники. Акси быстро сменила маску страха на маску бесконечной благодарности. – Ой, Митрофанушка, свет в окошке, большущее тебе спасибо. Если бы не ты, то не миновать мне плахи.

Произнося слово «плаха» глаза девушки заблестели, наполнившись слезами. Трюк сработал. Мужчины забыли сию минуту о ее подозрительной задумчивости. Принялись успокаивать девушку.

– Все уже позади, – зашебетал Серго. Черноглазый красавец сразу воспользовался моментом. Обнял ее и прижал к себе. – Теперича ты под защитой Хранителя!

Акси насупилась. Что за Серго! Что за хитрец! Не упустит момента ее полапать! Стараясь себя не выдать, Аксинья медленно отпрянула от красавчика, сделав вид, что хочет утереть лицо от слез подолом сарафана.

– Не реви, соседка, – сочувственно проговорил Митрофан, – все хорошо. Собирайтесь в дорогу. Небось, вас родители уже потеряли.

Девушка замерла, перестав старательно тереть подолом лицо. Бросила исподлобья взгляд на Хранителя. Мужчина поднялся и начал собираться в дорогу.

– Как же мы без тебя, – неожиданно завyla торговка, – Митрофанушка...

Она опять уткнулась в подол. На второй заход слез не было, поэтому лицо Акси скрыла краем юбки, обозначая рыдания только звуком бешеной лисицы в морозном лесу.

Хранитель вздрогнул, как и Серго.

– Что опять? – Растерянно пробормотал Митрофан.

Аксинья в «рыданиях» повалилась на бок, отодвигаясь от Серго.

– Как мы в родной Велиград одни доберемся? А ежели волки из лесу выйдут? Загрызут же... А ежели медведь?

Серго пододвинулся.

– Не плачь милая, я не дам тебя в обиду ни волку, ни медведю, – он помолчал и для эффектности добавил, – ни, даже, нечисти болотной!

– Молодец, Серго, – улыбнулся Митрофан, оценив обстановку и сказанные слова. – Не волнуйся, Аксинья, такой удалой молодец в обиду тебя не даст. Смело отправляйся с ним.

Торговка выругалась про себя несколько раз и выпрямилась, очутившись вплотную к Серго.

– Нет, Митрофанушка, думаю, без тебя не доберемся... – она глубоко вздохнула и посмотрела на Хранителя, предварительно сложив брови домиком. – Либо сопроводи нас в Велиград, либо бери с собой...

– Ксиня... – начал говорить Серго. Аксинья со всей силы толкнула его в бок локтем и посмотрела в черные глаза обрамленные каймой пушистых ресниц. Казалось, мужчина прочел все матерные слова в ее взгляде. Понял, чего она добивается. Как ей можно отказать? Он запнулся, но продолжил, – Ксиня права... Мы без тебя не дойдем... Возьми нас с собой...

Митрофан очень удивился такой перемене. Серго вообще понял, что сейчас сделал? Уронил себя в глазах девицы, которой жаждал понравиться минуту назад, хвост, как индюк распускал. За кого теперь она его будет считать? Если только Серго не на поводу у нее пошел... Аксинья! Вновь за старое принялась! Однако ситуация больно забавная. Митрофан улыбнулся и решил подыграть незадачливому кавалеру.

– Будь по вашему, – направившись к своему скакуну, быстро проговорил он, – доведу до безопасного места. Токма я тороплюсь, ратку оставьте тут.

Аксинья, естественно, открыла рот, чтобы возразить, но наткнулась на взгляд Серго и прочла все, что он думал о происходящем. Выходит, у него тоже имеется такая способность? Матюгаться на расстоянии при полном молчании...

Холодный пот выступил на лбу воеводы, как только он с подручным вошел в свои покои. Уйку начал бить озноб. Княгиня, узнавшая обо всех планах заговорщиков, сбежала. Наверняка сейчас докладывает Царице. Гадина!

Лютой тяжело дыша, опустил на лавку.

– Уйка, дай воды, – прохрипел он.

Завоевода наполнил кружку трясущимися руками и подал Лютому.

– Батюшка, теперича плаха, да? – обреченно спросил Уйка.

Воевода залпом осушил глиняную кружку и с силой запустил ее об пол. Посудина разлетелась вдребезги. Продолжая молчать, мужчина поднялся и принялся расхаживать вокруг Уйки. Тот замер на месте. Лютой молчит и ходит кругами, это верный признак – батюшка думает.

В какой-то момент воевода замер, провел по лбу рукой. Его глаза как-то по-особому заблестели.

– Уйка, – спокойно произнес Лютой, – Царица еще на прогулке, из этого следует, что гадюка не успела ей ничего донести. Беги на конюшню, дознайся, не брала ли она лошадь. Ежели пустилась навстречу Царице, посылай самых верных воинов вдогонку, поди настигнут. Пусть срежут проселком. Ежели у конюха не появлялась, распорядись, чтобы по-тихому Палаты прочесали. Явно спряталась в укромном уголке, дожидается Ачиму. – Воевода замахнулся и дал глухой подзатыльник завоеводе. – Не стой столбом, беги уже, да поживее!

– Слушаюсь, батюшка, – на ходу отчеканил Уйка.

Не прошло и получаса, как Уйка докладывал воеводе о проделанной работе.

– Конюх подтвердил твое опасение, воевода, – запыхавшись, бормотал завоевода, – княгиня взяла скакуна и пустилась в дорогу...

– Ты отправил воинов вдогонку? – прогремел Лютой.

– Батюшка, – пролепетал Уйка, – так княгиня не к Царице навстречу направилась, а вслед Митрофану. Мне конюх доложил...

Воевода помолчал.

– Это очень хорошо, – осканился он. – Седлай коня. Настигнешь обоих и сделаешь уговоренное дело.

Уйка поджал губы.

– Батюшка, как мне Митрофана одолеть, ежели Елизара его предупредит о наших планах?

– Стрелы тебе на что? – вспыхнул воевода. Его лицо налилось краской. – Я не заставляю тебя подходить к нему и в ножки падать. Ты ладный стрелец, вот и прояви свое умение попадать белке в глаз со ста верст!

Лютой уселся на лавку и вытянул ноги. В Велиград вернулось лето. Солнце старательно разогревало воздух. Воевода пыхтел в плотном кафтане и кожаных сапогах.

– Все, иди уже, не доводи до греха!

Завоевода откланялся.

Елизара гнала лошадь в галоп. Страх проникал в ее сердце. Только сейчас за стенами Велиграда, на бескрайних полях, девушка осознала – она сегодня могла погибнуть. От этой мысли княгиня крепче сжимала уздечку. Главное поспеть к Митрофану. Девушка боялась за него. Страх хриплым голосом нашептывал, будто она может не успеть. Уйка уже выполнил задуманное Лютом. Где-то там, в лесу истекает кровью ее... друг. Сердце заколотилось. Кто для нее Митрофан? Хранитель – ее друг и точка.

Поднявшись на пригорок, Елизара увидела прекрасные Белозерские просторы. Глиняная дорога извивалась на тысячи верст. Меж зеленых лугов, пахучих до головокружения. За ними возвышалась высоченная гора, поросшая вековым лесом. У самой кромки княгиня заметила фигуры. Три человека готовились войти в прохладную лесную тень.

– Стойте, – сказал Митрофан, замерев на месте. Он обернулся, разглядывая что-то на горизонте. – За нами всадник.

– Погоня? – с сомнением поинтересовалась Аксинья. Она приложила руку ко лбу, делая козырек от солнца. Ее совсем не смущало, что солнце в другой стороне и потому троица стояла в тени.

– Это девица, – пробормотал под нос Серго.

– Не может быть, – фыркнула Акси, – явственно видно, мужик это. Правда, малахольный. Щуплый... еще и с косой...

Прищурилась и добавила:

– Пришлый. У нас таких нет.

– На коне царская попона, – тихо проговорил Митрофан. Внутри все холодело. – Это же...

Хранитель недоговорил. Как замороженный направился навстречу всаднику. Он узнал ее. Княгиня Елизара. В городе что-то случилось.

Митрофан встретил княгиню. Бледную, трясущуюся. В глазах леденел страх. Из седла она рухнула в его крепкие объятия.

Он жив. Елизара прижималась к его груди, чувствуя биение горячего сердца. В какой-то момент княгиня чуть было не поцеловала Хранителя, но вовремя остановилась. Девушка опомнилась и немного отстранилась от мужчины.

Успокоившись в тени старой сосны, под которой Митрофан устроил привал, Колоярова жена поведала троице о случившемся. Обличила воеводу Лютого и его замысел.

– Ух, дела, – цокнула Аксинья, впечатленная рассказом княгини Елизары. – Теперича ему головы не сносить!

Серго кивнул.

– Надобно предупредить Царицу Матушку...

– Да, я так и поступлю, – согласилась с незнакомым красавчиком княгиня, – сейчас же направлюсь в Палаты.

Митрофан, стоявший у ели, рукой провел по изъеденной коре и уверенно заявил:

– Нет, княгиня, не можешь ты в Палаты направляться, – он обвел всех присутствующих острым взглядом, – опасно это. С нами до Волгавы последуешь.

Все молчали. Елизара не стала оспаривать слово Хранителя.

Путники подкрепились рыбой, что с утра наловил и пожарил Серго и углубились в прохладный лес.

Воздух был пропитан запахом хвои, пахучих трав и прошлогодних листьев. Путники следовали на холм. Тропа пролегла все выше и выше. Мужчины топали удаleckи, не чувствуя усталости. Девушки утомились, но делали вид, будто полны сил и с готовностью пройдут еще не одну версту.

Настасья провалилась в сон. Тяжелой лапой он накрыл девушку, не желая отпускать. Сколько времени провела на полу в горнице, Настасья не знала. Ее разбудили шаги по крыльцу, шуршание.

– Настасья, соседка, – раздалось негромко.

Девушка встрепенулась, вскочила, но сил совсем не было. Настасья тут же рухнула. В этот момент на пороге показалась соседка Азовка, мать Аксиньи.

Завидев Настасью на полу, Азовка кинулась к ней.

– Девонька, что с тобой? – звенел ее голос. – Ушиблась? Голова кружится?

– Тётечка Азовка... – еле слышно проговорила Настасья. Речь ее была сбивчива. В голове ожили ужасные слова о муже, что сказал Лютой. Девушка пыталась вымолвить хоть слово, но слезы хлынули из глаз, а речь заполнилась всхлипываниями.

Тетка Азовка подняла горемыку, уложила на перину. Подала Настасье воды, а ко лбу приложила полотенце, смоченное студеной колодезной водой.

Когда жена Митрофана немного пришла в себя, перестала беспрерывно рыдать и затихла, Азовка сказала:

– Настасьюшка, милая, чего с тобою приключилось? – женщина погладила девушку по голове. В голосе звучала бесконечная материнская любовь. – Не пужай меня. С Митрофаном чего стряслось?

– Прости меня, тётечка Азовка, – отстраненно проговорила Настасья, – не хотела я пугать тебя.

Девушка отняла ото лба тряпицу и, опершись о стену, поведала добродушной соседке про визит воеводы.

Азовка от услышанного обомлела. Неужто, это правда? Митрофан ладный мужичок, молодец каких поискать, Хранитель города и всех земель Белозерья. Разве мог он завести полюбовницу и целый год обманывать супругу?

Мать Аксиньи знала Митрофана еще подростком. Уже тогда он был правдив и честен, за что и не любили его дворовые ребяташки. Благом всегда была его честность, вона до каких высот его довела.

Соседка мотнула головой. Лицо озарила улыбка, отчего морщинки образовали лучики у глаз и рта.

– Настасья, девонька, бабка моя говаривала: «не слушай чужой говор ушами, верь голосу сердца своего». Да, Лютой все складно рассказал, но можно ли ему верить? Не раз я слыхивала, как про озлоба этого шептались на рынке. Будто подлый он, зависть в нем цветет крапивою жгучей.

Настасья молчала.

Женщина обняла девушку и прижала к своей груди.

– Вот что, милая, – заговорщицки начала она, – пойдешь до его тятки. Они жили душа в душу. Думается мне, нет у Митрофана от тятки секретов.

Глава 5

Усомнилась Настасья в словах Азовки. Ежели у супруга и вправду нет секретов от тятки, и Митрофан признался Веславу о полюбовнице, то вряд ли невестке об этом доложат. Тятка будет скрывать сыновью тайну.

Однако в горнице сидеть она боле не могла. В голове роились полчище мыслей. Гудели, как пчелиный рой по весне. Так и умственного рассудка можно было лишиться.

Настасья расчесала косу, заплела сызнава. Надела белый сарафан расшитый зеленой каймой, очелье, венчанное стеклянным бисером, и направилась к родителям мужа.

На полпути Настасья поняла, как глупо она поступает. Решилась из-за ревности ядовитой вынести сор из избы. В их семейную драму впутать его родителей. Мало того, что уже соседку тётчку Азовку посвятила в свою тайну. Благо, что соседка неболтлива. Никто не узнает о предательстве Митрофана.

Девушка развернулась и направилась в обратную сторону. Тошно стало на душе от мыслей постылых. И в горницу возвращаться не хотелось. Чтобы проветриться, она направилась в сторону реки, решила погулять. День клонился к закату. Казалось, что над деревней опять нависает морозная корка, еще не столь ощутимая, но морозный дух чувствовался на щеках и губах. Неужели в ночь снова ударит морозец?

Небо озарили оранжевые всполохи. Закат. Ветер лениво шумел меж хвойных ветвей, словно убаюкивал усталых путников.

– Привал, – сказал Митрофан.

– Уже? – кокетливо ойкнула Акси. Всем видом показывая, что может пройти еще сотню верст. – Я думала, мы до ночи дойдем к ведьме...

Привязывая вороного коня, Хранитель обернулся:

– До PROVIDИЦЫ путь далек, дотемна не поспеть. Заночуем здесь.

Елизара встревожилась.

– Приспешник воеводы может нас нагнать...

– Не волнуйся, княгиня, – уверил Митрофан, – мы выставим караул. Врасплох Уйка нас не застигнет. А по лесу в ночи негоже бродить.

Княгиня тяжело вздохнула. Тяжкие мысли ее одолевали.

Митрофан отвел от девушки взгляд. Мужчина боялся себя выдать. Где-то глубоко в душе, он пожалел, что взял с собой Аксиныю и Серго. Конечно, Хранитель не признавался себе в этом. Но, как же ему хотелось сейчас быть здесь наедине с княгиней. Мужчина сгорал от желания подойти к ней и обнять, почувствовать ее запах, теплоту пылающего сердца. Его руки до сих пор помнили трепет ее тела, когда она упала к нему в объятия из седла. Испуганная и совершенно беззащитная.

– Коли так, тогда буду готовить еду, – прозвучал въедливый голос торговки. Она сделала паузу и добавила, – княгиня-то не привыкла у плиты стоять...

Митрофан покачал головой. Серго нахмурился. Аксиныя это сейчас вслух сказала? Прямо при княгине... Девка окончательно страх потеряла.

Елизара ухмыльнулась. Шагнула навстречу задире торговке и взяла медный котелок из ее рук.

– Ошибаешься, Аксиныя. Я с удовольствием помогу тебе с ужином.

– Я за хворостом, – объявил Митрофан. – Серго, ты на посту, гляди в оба.

Красавчик замер по стойке смирно, вглядываясь вглубь темнеющего леса. Девушки расстелили тряпицу. Елизара раскладывала припасы и малочисленную кухонную утварь, а Аксиныя наметила место для костра.

Как только последние лучи солнца скрылись, путники почували холод. Словно липкий туман он опускался с неба и пробирал до костей. С каждой минутой становилось холоднее.

Митрофан развел огонь. Обжигающие языки плясали в диком танце, пожирая сухие ветки. Темнота сгустилась над привалом в ожидании поглотить и путников, как только костер потухнет.

Закончив трапезу, девицы улеглись спать, а мужчины остались на посту. Наступила ночь. Самое опасное время. Ночные жители лесного царства вышли из своих убежищ в поиске еды. Редкий говор сов сменялся волчьим воем.

Главное, чтобы огонь полыхал. Обогревая и оберегая.

Настасья, гонимая мыслями брела вдоль реки. Она очень устала. Где ей обрести покой? Перед глазами мелькали цветные картинки их счастливой жизни. Первый поцелуй, свадьба, обустройство домашнего очага.

Все рухнуло.

Девушка не сразу распознала дикий холод, заключивший ее в крепкие объятия. Озноб. Она пришла в себя, вернулась из глубин сознания к реке в брэнное тело. Вздохнула полной грудью. Из носа и рта вырвалось облачко теплого дыхания.

Заморозило пуще прежней ночи.

Тишина. Ни песни сверчков, ни кваканья лягушек. Даже комары не вылетели на ночную охоту.

Жена Хранителя повернула в сторону деревни. Не успев дойти до своей избы, девица заметила в лунном свете темный силуэт. Фигура переминалась с ноги на ногу, приплясывала, желая согреться.

– Кто здесь? – бойка крикнула Настасья.

Тень замерла на месте.

– Кто? – с тревогой ответили из темноты.

Жена Хранителя подошла ближе, вглядываясь.

– Пава?

– Да... а ты кто? – стуча зубами от холода, пробормотала помощница кухарки.

– Настасья...

Услыхав ответ, Пава обрадовалась и чуть не кинулась Настасье на шею.

– Ты чего тут делаешь? – осведомилась супруга Митрофана.

Пава с присущей ей простотой принялась рассказывать о поклоннике, который затеял романтику и позвал ее к реке. Однако так и не явился. Она прождала его очень долго, пока могла терпеть дикий холод. А когда перестала чувствовать пальцы на ногах и кончик носа, приняла решение идти домой. Но, приключилась очередная незадача, ей трудно идти, совсем промерзла.

Сердобольная Настасья отвела Паву в избу. Растопила печь, а девицу усадила на лежак. Укутала в пуховое одеяло.

– Пава, неразумно на свиданки бегать с незнакомцами, – говорила Настасья. Она грела молоко, предварительно добавив в него ложку цветочного меда. – Али знаешь, кто таков?

– Нет, – вздохнула неразумная девушка, – он мне просто понравился. Красавчик. Наверное, пришлый. Увидал, что понравился мне, позабавиться захотел. Назначил свидание и не пришел...

Мечтательный вид помощницы кухарки сменился на расстроенный. Заметив это, Настасья ее подбодрила.

– Какие твои годы, Пава, встретишь еще богатыря удалого.

– Да... – вздохнула дурында, – токма так себя и настраиваю... мол, не время еще, встретится мне мой суженный на верткой дорожке.

Она помолчала и с горестью добавила.

– Почему несправедливость такая существует? Одним девицам жених вообще не достается, а у других аж по два сразу! Чем Елизара меня лучше?

Выпалив это, Пава осеклась. Повисла пауза.

– Что там с Елизарой? – растерянно спросила Настасья. Она показала из-за печки и заглянула на лежку. Пава смущенно прикрылась одеялом. – Расскажешь?

– Настасьюшка, прости, – взмолилась девушка. – Я по глупости своей сболтнула...

Настасья вздохнула полной грудью и выдавила улыбку.

– Не бери в голову, лучше поведай мне все, что знаешь.

– Это ж слухи по Палатам гуляют, окаянные... – начала отнекиваться помощница Кази.

– Мне интересно, – стиснув зубы, проговорила Настасья, продолжив греть молоко.

Огонь в печи потрескивал, наполняя горницу теплом и запахом дыма. Девушки устроились за столом. Пили теплое молоко с медом, заедая пирожками со щавелем.

Щеки Павы зарумянились. То ли от молока, то ли от смущения.

– В Палатах давно болтают, мол, твой Митрофан с княгиней романтику крутит... – Пава посмотрела по сторонам. – А сейчас Елизара пропала. Все на ушах. Токма найти ее не могут... говорят, с Ми... Митрофаном сбежала...

– Кто-нибудь застал их за постыдными делами? Очевидцы в толпе сплетников найдутся? – рассудительно заметила Настасья.

– Кто признается? – махнула рукой сплетница. – Я могу токма за себя сказать... На служения в Палаты поступила я в раннем возрасте. Тогда еще Ачима была Царевной. В подружках у нее ходила княжна Елизара. Митрофан был при отце в его кузне. Однажды Царь Батюшка распорядился установить новые ворота в Палатах. Заказ отдали кузнецу Веславу.

Пава говорила без умолку, а Настасья с интересом слушала. Эта история приключилась до ее появления в жизни мужа, отчего становилась, особо интересна.

Веслав работал всегда один, пришлые в его большой кузне не появлялись. На подхвате носился только Митрофан. Тогда мужчина был молод, даже борода-то толком не росла.

В очередное пребывание по делам заказа в Палатах Царских, Митрофан остался во дворе один. Без отцовского пригляда. Царевна с княжной в окружении нянечек, возвращались с прогулки. На дворе конь Ачимы до одури испугался кошку и встал на дыбы. Царевна в седле удержаться не смогла и с криком полетела на брусчатку.

Молодой паренек не растерялся, подхватил царскую дочь. После этого случая, паренек начал частенько захаживать на царский двор. Пава лично видела, как Митрофан прогуливался с девчонками. Весь двор судачил о романе Ачимы с молодым кузнецом. Царевна всячески продвигала его при Царе. Службу он получил не за простые заслуги при дворе, а как выходило, за романтические отношения с Царевной.

Так продолжалось несколько лет.

– А потом, – продолжала Пава, – у Ачимы жених объявился. Царь Батюшка дочу сосватал за чужеземца. Я думала, все, Митрофанушка на дворы боле ни ногой! Ан нет! Продолжал бегать как заводной.

Сплетница перевела дух.

– А однажды, я пошла картошку чистить, и увидела, как Митрофан застыл у дальней стены. Глаза горят, сам трепещет. С вожделением на окна Палат глядит. – Пава смутилась. – Я, честно доложу, случайно заметила, чего он там разглядывал... там, у окна... стояла Елизара. С нею он в гляделки играл. Романтика у них не первый год...

Настасья поникла.

– Почему же он на ней не женился, коли у них столько лет романтика пылает?

Помощница кухарки закатила глаза.

– Знамо дело! Митрофан сын кузнеца, а она княжна! Им никто согласия на союз не дал бы тогда... как и сейчас... Елизаре подыскали жениха, красавца князя Колояра.

В горнице воцарилось молчание. Пава смотрела на Настасью. Видела, как болит ее душа из-за предательства мужа. Как страдает эта красавица, но помочь никак не могла. Еще немного посидев, девушки улеглись спать.

Ночь выдалась холодная. Аксиные показалось поначалу, будто отморозила пятую точку. Она осмотрелась. Костер тлел. Вокруг все сковал иней. Словно все превратилось в серебро. Колючие ветви елей, трава, лесная тропа, княгиня, которая с головой скрылась под кафтан Митрофана.

Чуть поодаль под сосной дремал Серго. Мужчина сидел на шигле, опершись спиной о ствол дерева. Ноги вытянул, руки подобрал. Ощетинился. Все-таки есть в нем что-то.

– Серго, ты спишь? – прошептала Аксиныя.

Он не ответил.

Акси села поправляя косу.

Все-таки есть в нем что-то.

За кустами послышались шаги. Через минуту показалась голова Митрофана. Он собрал хворост.

– Выпьем чаю и в дорогу, – закидывая ветки в разгорающийся костер, бормотал Хранитель, – к обеду доберемся до места.

Елизара скинула кафтан Митрофана и сладко потянулась.

– Доброе утро!

– Доброе, княгиня... – почти хором ответили путники.

Подкрепившись, они двинулись в путь. Серго старательно пытался увлечь Аксиныю с собой и в какой-то момент ему это удалось. Хранитель остался чуть позади с Елизарой.

– Как тебе послужится? – спросила она и улыбнулась.

– Добро послужится, – ответил Митрофан. Мужчина иногда кратко смотрел на нее, стараясь, не встретится с нею взглядом.

– Я рада, что ты Хранитель, – сказала Елизара.

Сердце Митрофана заколотилось. Странное волнение обуяло и княгиню. Ей хотелось поговорить с мужчиной, вот только слов она никак не могла подобрать.

– Я слышал ты, княгиня, за море собираешься? – спросил Митрофан и сразу пожалел об этом.

Елизара посмотрела с удивлением на него. Его взгляд блуждал по тропе.

– Да, мы планировали с мужем отбыть в его родные края, – не сводя с собеседника глаз, ответила княгиня. – Теперича уж не знаю, получится ли...

Митрофан глянул на нее, и они наконец-то встретились взглядами.

– Почему же?

– Друг мой, Митрофан, – вновь улыбнулась Елизара, – в Белозерье дела темные творятся стали, не до поездок мне. Это мои родные земли, в такой час покинуть их не могу.

Серго пытался в который раз заговорить с Аксиной, но она шла молчком, а при его попытках шикала на него:

– Ксиня...

– Тише, Серго, – недовольно бубнила торговка. – Из-за тебя ничего неслышно. Чего ответила княгиня Митрофану? Молчи, а!

Серго недовольно обернулся на парочку, шедшую за ними.

Глава 6

Спуск с холма был намного легче и быстрее. Акси и Серго продолжали шествовать впереди, а Хранитель, ведя за узду двух скакунов, и княгиня Елизара неспешно шли позади.

– А помнишь, как мы на речку тайком бегали? – вдруг прошептала Елизара.

– Да, – кивнул Митрофан. В памяти всплыли чудесные летние деньки давно минувших дней. Они были беззаботными подростками, которые мечтали и верили. – Ты совсем не умела плавать, чем жутко сердила Ачиму...

Княгиня рассмеялась.

– Помню ее недовольный взор и бубнеж...

– Она грозилась не брать тебя с нами, – напомнил мужчина.

– Кто бы ее спрашивал, – игриво проговорила девушка.

– А помнишь, как мы за смородиной лазали? – увлеченно спросил Хранитель.

– Еще б такое позабыть, – вновь звонко рассмеялась собеседница. От воспоминаний ее глаза сверкали. Словно это было вчера. – Сад был князя Завида. Он щеки смешно раздувал, бегая в поисках сорванцов, что копошились в его смородине. Думается мне, Завид догадывался о нашей компашке.

– Токма молчал, – подметил Митрофан, – потому как Ачима с нами была. Он же грозился ивовой веткой отходить этих любителей смородины.

– Вряд ли бы у него поднялась рука на Царевну, – подмигнула княгиня.

Серго помрачнел. Аксиныя совсем на него не обращала внимания, только и занята тем, что подслушивала чужую беседу.

– Ксиня, как давно это началось? – вдруг спросил он.

– Что началось? – переспросила сплетница, даже не взглянув на него.

– Мания твоя, – бурчал Серго, – все выведывать...

Аксиныя остановилась. Любопытство исчезло с ее лица.

– Серго, ты мне хамить вздумал?

– Нет, Ксиня, решил правду тебе сказать! – резко ответил красавчик, продолжая путь.

– А ну, стой, – возмущенно заговорила Акси. Что он о себе думает? По какому праву нотации вздумал читать. – Стой, кому говорю!

Серго замер на месте. Аксиныя его нагнала, но не смогла произнести и слова. Девушка пребывала в восхищении от открывшегося вида.

У подножья холма раскинулось необъятное васильковое поле. Ветер раздольно гулял по лугу, создавая волны. Казалось, что это бескрайнее море. За лугом протекала узкая речушка, по другую сторону которой стояли вековые дубы. Они были огромны в объёме, а ветви простирались настолько широко, что могли уместить в своих объёмах, целую деревню.

– Ух, ты... – ахнула торговка, забыв про обиду на собеседника. – Красота-то какая...

– Почти пришли, – сказал Митрофан, когда поравнялся с Акси и Серго.

– Действительно, очень красиво, – умилилась княгиня. – Никогда такого великолепия я не видала!

– Идемте! – скомандовал Хранитель.

Путники пустились в странствие по васильковому морю.

За дальними дубами в тени стояла избушка. Сложена она была из больших обструганных бревен. Наличники украшала витиеватая резьба.

Митрофан привязал коней к пряслу и поднялся на крыльцо.

Он не успел постучать, дверь отворилась сама.

– Здравствуй, Хранитель, – сказала появившаяся на пороге женщина. Статная, высокая, молодая. Облаченная в белый сарафан. Белые волосы убраны в три косы, две падали по пле-

чам спереди и одна по спине. Лоб украшало очелье, расшитое красной ниткой. – Ждала тебя и спутников твоих. Проходите в горницу.

Волгава сделала приглашающий жест.

Странники поприветствовали провидицу и вошли в ее обитель.

Горница была наполнена запахом сушеных трав. На стенах висели пучки разнообразных растений. Акси́нья подумала, что у этой ведьмы явно есть средства на все случаи жизни. В этот момент Волгава бросила на торговку неодобрительный взгляд. Акси́ это заметила и постаралась боле не думать ничего подобного.

У красной стены тянулся прямоугольный стол. На дощатой столешнице высились баночки и пузырьки разного калибра. Печь, что была посередь избы, топилась, от чего в горницы было душно.

– Усаживайтесь, – сказала Волгава, – с дороги устали. Отдохните, сил наберитесь. Я сейчас отварчика вам налью, дабы вы силы быстро восстановили.

– Благодарствуем, Волгава, – устроившись на лавке, кивнул Митрофан. – Царица хочет видеть тебя в Палатах на совете Хранителей Света.

– Известно мне это, – улыбнулась провидица. Ей было многое известно про этот мир, как и про Божественный Чертог. – Торопиться вам следует, – продолжила Волгава, разливая по глиняным кружкам отвар, – время быстротечно...

– Мои спутники останутся у тебя, – пояснил Митрофан. Ему не понравилось, что провидица их объединила в своей речи. – Я один отправлюсь к Северным горам. Негоже им со мной по лесам бродить, опасно это очень.

Волгава поднесла на деревянном подносе кружки гостям.

– Митрофан, ты думаешь, все спроста выходит? Спроста эти люди оказались рядом с тобою?

Хранитель кивнул. Он был уверен – стечение обстоятельств.

Провидица метнула на него озорной взгляд карих глаз.

– Так, да не так!

Взяв поднесенное питье, Акси́нья шепнула Елизаре:

– Кто-нибудь понимает, о чем толкует эта тетка?

Серго услышав вопрос, неодобрительно посмотрел на торговку. Он отпил отвар и поморщился.

Княгиня кивнула:

– Акси́нья, наостри уши.

Провидица помолчала.

– Митрофан, – наконец начала она, – то, что ты с этими людьми оказался на этой дороге неспроста. Духи времени мне об этом сказали...

Хранитель озадачился. Невольно он стал посматривать на княгиню, как и она на него.

– Наше путешествие суждено? – с волнением Митрофан переспросил.

– Да, – подтвердила провидица. Она отложила поднос и поставила перед гостями табурет. На него опустила глиняную чашу наполненную водой. Закинула в нее разной масти сухие цветы, что бережно собирала по весне.

– Что она делает? – прошептала неутомная Акси́нья.

– Тсс... – шикнул на нее Митрофан.

Торговка набычилась. Почему вечно ей затыкают рот? Она что, права не имеет высказываться?

Волгава тем временем склонилась над чашей и шептала что-то неразборчивое. По обрывкам слов, путники поняли, это древний язык. Никто на нем в Белозерье не говорил много сотен лет. Звучали древние слова лишь на устах колдунов.

Вода в чаше чудесным образом забурилась, закипела, словно крутой кипяток. Провидица резко выпрямилась и обвела присутствующих взглядом. Глаза Волгавы наполнились цветом, засияли синей краской.

Она заговорила:

– Духи по белу глаголют. Идти им навстречу судьбе, навстречу Великому холоду. Там жизнь начнется новая. Заключен будет ряд. Великий воин придет на земли Белозерья. Отцу лишь по силам вырвать его из тех рук, что во зло обратили его желают...

Аксинья вздохнула и подумала: «Она сама понимает, о чем болтает?». Огляделась по сторонам. Все слушали затаив дыхание. Внимали каждому слову провидицы, ведь ее устами ведали духи. Каждый понимал предсказание по своему, кроме Акси. Торговка ни слова не поняла.

Настасья проснулась. Ее взор устремился на потолок, сложенный массивными досками. Горница была заполнена полуденным светом.

Проболтали всю ночь с Павой, только под утро угомонились и уснули.

Помощница кухарки еще сладко спала, раскинувшись на лежанке. За много лет она впервые проспала работу. Не явилась с первыми петухами на кухню. Обед. Она проспала до обеда!

Настасья не стала будить Паву. Умылась. Наспех заплела косу, собралась и лишь тогда подошла к печи.

– Пава... – тронув девушку за плечо, сказала хозяйка горницы, – просыпайся. Проспали все на свете...

– Настасьюшка, – потягиваясь, пропела Пава. – Что проспали?

– Обед.

Одного слова было достаточно. Пава осознала весь масштаб своего проступка. Боже! Проспать и не явиться на службу! Что ж теперь с нею будет!

Девушка ураганом соскочила с печи, распрощалась с Настасьей и побежала к тетке Казе. Повинную голову меч не сечет. На это была надежда провинившейся девицы.

Настасья вышла следом и направилась в Царские Палаты. Она решила поговорить с Лютом. В расстроенных чувствах, девушка не выяснила некоторые моменты. Например, откуда воеводе известно, что Митрофан сбежал с Елизарой? Кто еще может ей об этом сказать, не стыдясь в глаза? Все-таки сердце супруги Хранителя было не на месте. Не могла она до конца понять и осознать, что ее семейная жизнь рухнула, растаяла, как снег под жарким солнцем.

Твердо уверилась Настасья про себя, если дознается до Лютой правды, сама всему честному народу заявит о разрыве союза с Митрофаном. Жить с предателем она не станет. Лично отнесет прошение на Царский суд.

Уверенным шагом Настасья добралась до Палат.

Удалой стражник сказал:

– Нет воеводы в Палатах. Отбыл до княгини Исте. Позже наведайся!

Отказалась Настасья уходить, осталась у крыльца в ожидании Лютого.

Лютой вошел в большой каменный терем. Стены белые, наличники расписные. Один из видных теремов Велиграда. Проживала в нем княжеская семья. У старого князя была единственная дочь Исте. Красавица белая лицом, зелена глазами. Жгучие рыжие волосы. За стеной в деревни поговаривали, мол, она ведьма, а если нет, то колдовству все же обучена.

Воевода расположился в парадной горнице. Мужчина прибывал в волнении. Сейчас она спустится до него.

– Воевода, с чем пожаловал? – осведомилась молодая княжна.

Лютой облизнулся.

– Исте, хочу пригласить тебя, – он замялся, – на прогулку до озер.

Девушка вздохнула, и присела рядом на лавку, придерживая сарафан из красной парчи.

– Лютой, сколько раз тебе говорить? Я за тебя не пойду! – Она кокетливо смерила воеводу взглядом зеленых глаз. – Я в мужья Царя хочу или Царевича, но не воеводу.

Мужчина тяжело задышал. Облизнулся.

– Исте, – перейдя на шепот, заговорил он, – все будет, я сделаю тебя Царицей!

Девушка приблизилась к нему, да так сильно, что он почувствовал ее сладковатый аромат.

– Лютой, когда? Сколько ты мне обещаешь? Я пока буду ждать в девках останусь! – Исте вскочила и звонко засмеялась.

Воевода сглотнул.

– Скоро милая моя, скоро...

– Ну, коль скоро, – закружившись в танце с невидимым кавалером, прошептала княжна, – тогда подожду... наверное...

Соблазнительница вновь рассмеялась и ускользнула из-под его взора за пределами горницы.

Воевода рассердился. Топнул ногой. Ему более всего хотелось заполучить эту деву. Во-первых, Исте была дочерью Завида, князя с древней родословной. Породниться с ним означало для воеводы войти в высшие общественные круги. Во-вторых, она была единственной дочерью у старого князя, значит наследница большого богатства. Ох, сколько у князя было золота, серебра, да камней драгоценных – не сосчитать! И, в-третьих, сама чертовка хороша была. Талия осиная, попа заморский орех. Каждую ночь во снах приходила к воеводе. Манила его, а потом исчезала.

Лютой не намеревался просто так отступить. Он мог бы договориться с ее отцом и жениться на ней против воли, однако закавыка заключалась в том, что старый князь любил дочку больше жизни и шел у нее на поводу. Старый пень! А этой егозе подавай Царя или Царевича!

Ну, ничего, воевода придумал коварный план. Исте будет его!

Выйдя на улицу, интриган перевел дух. Как же она была хороша! До того, что у воеводы давление скакало, словно жеребец.

Еще чувствуя ее сладковатый аромат, Лютой подошел к своему скакуну и взглянул на небо.

Ярко светило солнце. Кое-где размеренно плыли невесомые облака. Стайки птиц взмывали ввысь.

Взгляд воеводы задержался на горизонте. Над Северными горами нависли тяжелые тучи. Они громоздились на вершине самой высокой горы, будто она их извергала. После, закручивались клубком и расплзались по горизонту.

Это еще что такое?

Лютой почесал затылок. Надобно Царице доложить.

Волгава замолчала, закрыла глаза и опустила над чашей. Провидица оставалась неподвижной некоторое время, а затем вскинула голову.

Глаза ее были вновь карими.

– Теперича ты понимаешь, – проговорила Волгава, – что вам идти вместе?

Митрофан нахмурился.

– Нет, провидица, – возразил Хранитель, – вместе мы никуда не двинемся. Это очень опасно.

– Я считаю, что провидица права, – засуетилась Аксинья.

– Не встревай, – пробубнил Серго.

– Митрофан, – вступила княгиня, – ежели так велют духи, я готова пойти с тобой.

Ее глаза были полны решимости. Митрофан не желал брать с собой княгиню, потому как странствие было полно опасностей. Нутро же жаждало провести несколько седмиц в компании Елизары.

Хранитель согласился. Кроме прочего, мужчина понимал, что устами провидицы вещали духи. Как ни старайся, идти против судьбы бесполезно, все одно будет, как предначертано.

– Пойдите, умойтесь с дороги, – сказала Волгава, – я пока на стол накрою.

Компания направилась к речушке.

– Все-таки здесь очень красиво, – мечтательно протянула Акси, – хоть и хозяйка этих мест со странностями.

– Негоже говорить несносные слова про хорошего человека, – заступился за Волгаву Серго.

– Мне врать надобно? – прищурилась торговка. – Я говорю то, что думаю. Вы можете считать, как вам угодно!

– Что это? – вскрикнула княгиня. Ее взор был обращен на Северные горы. С вершин ползли грозные тучи вдоль горизонта.

– Вот оно... – насторожился Митрофан.

В его голове возникли тревожные мысли: а не упустил ли он время? Все правильно понял? Успеет ли уберечь Белозерье?

Глава 7

– Настасьюшка, – слезая с коня, басил Лютой, – с чем пожаловала?

– Поговорить с тобою хочу, – сухо отозвалась жена Митрофана.

Воевода кивнул, и они прошли в Палаты. У него имелись личные покои для приема селян и горожан, место, где воевода мог спокойно нести царскую службу.

В горнице было светло и нарядно. Расписные своды, резная мебель. Все в лучших традициях Белозерских мастеров.

Настасья расположилась в кресле.

– О чем речь пойдет, Настасьюшка? – вновь поинтересовался Лютой.

– Мне надобно знать, куда Царица мужа моего отправила? – не сводя глаз, молвила жена Хранителя. Раздумала она дознаваться о его любовнице и прочих сплетнях. Все что хотела, девица услышала от придворного люда, томясь в ожидании воеводы.

– Это тайна. Я не могу тебе ее раскрыть, – сердобольно вещал воевода.

– Теперь-то какая разница? – нахмурившись, сказала Настасья. – Ежели Митрофан убег с княгиней...

Лютой расплылся в улыбке.

– Верно подметила, Настасьюшка, – кивнул воевода. Где-то в глубине души, мужчина пожалел, что связался с этой девицей. Надо же какая дотошная. Что ей ответить? Правду или соврать? Зачем она спрашивает? – Скажи мне, а для какой нужды тебе знать, куда должен был по царской воле направляться твой муженек? Не трави ты себе душу...

Лютой театрально вздохнул и склонил голову на бок.

Настасья отвернулась, достала из рукава носовой платочек и промокнула глаза.

– Видишь ли, воевода, – начала она певучим голоском, – душа изранена, никак успокоиться не могу. Тяжко в горнице сидеть одной и мучиться от дум тягостных. Решила к тебе прийти... – девица посмотрела на него особым взглядом, от которого у Лютого в груди что-то екнуло, а живот обдало жаром. – Все вокруг предатели, один ты правду мне сказал. Выходит ты токма ближе всех мне, токма тебе могу доверять...

Виски воеводы начали пульсировать. Такая красавица сама идет в руки. Можно сделать ее любовницей. Девка хороша собой, да и одинока теперь.

– Да, милая, – облизнулся Лютой, – ты права, я помогу тебе в любой момент. Теперича я твой друг, можешь рассчитывать на меня всегда.

Воевода навалился на стол и сгреб руки Настасьи. Девица в ответ горестно вздохнула и еще раз посмотрела особым взглядом.

– Спасибо, Лютой, – одними губами промолвила Настасья. – Так куда его Царица отправила?

Лютой, словно под гипнозом ответил:

– Митрофан твой, должен был тайком объехать всех Хранителей и на совет их созвать... – он тяжело задышал и придвинулся к ней ближе.

Настасья высвободила руки, провела хрупкой ладошкой по его щеке и сказала:

– Спасибо, Лютой. Помог ты мне, успокоил, поддержал. А теперича мне идти нужно.

– Как же? – спохватился воевода. Мужчина явно рассчитывал на какое-то продолжение, прямо в его горнице.

– За мыслями тяжелыми в избе уборку который день не делала, дел накопилось, – она вновь кинула на него особый взгляд, – пойду порядок наводить, а ты ежели мимо проходить будешь, можешь зайти в гости. Я буду очень рада.

– Хорошо, милая, – пропыхтел воевода.

Настасья ушла. Теперь воевода окончательно понимал, за какие заслуги Митрофан взял в жены Настасью. Ох, и горячая девица!

Он немного посидел за столом, выпил воды, дабы остудить пылающее желание и потопал в покои Царицы.

– Торопиться надобно, взволнованно проговорил Митрофан.

– Что это? Гроза собирается? – спросила Аксинья, глядя на тучи.

– Напасть на земли Белозерья движется, – ответил Хранитель.

Наступило молчание. Поникли путники. В дорогу надобно.

Умывшись водою речной, Елизара вынула из рукава платочек с княжеским вензелем. Утерла лицо. Взглянула на Хранителя и протянула платок ему.

– Возьми.

– Спасибо княгиня, – промолвил Митрофан.

Обратно платок Елизара не взяла, оставила Митрофану. Пусть у него будет. Пусть хранит Митрофана в походе опасном.

Вытирая лицо подолом, как всегда, Акси это заметила.

– Ты глянь, Серго, чего творится, – прошептала торговка и ткнула в бок красавчика, – совсем стыд потеряли. Милуются открыто.

– Не придумывай, Ксиня, – шикнул Серго. – Нет в этом ничего такого...

Ксиня помотала головой. О чем можно говорить с этим человеком? Мужлан. Ничегошеньки не понимает в жестах любовных.

За трапезой Волгава сказала:

– Путники, ежели пойдете путем намеченным, то не поспеете в срок.

– Как же быть? – встрепенулся Митрофан.

– Надобно вам следовать к Хранителю Западного леса. Есть в тамошнем лесу озеро Русальное, а за ним древнее святилище. В нем портал. Ежели не испугаться и пройти сквозь него, выйдете на другой стороне в Северных горах.

Сидящие за столом переглянулись.

– Поговаривают, что места те до одури опасные, – вступила Аксинья. – Не один человек там сгинул.

– Ежели человек чистый сердцем, то не надобно ему страшиться тех мест. – Спокойно ответила Волгава.

– Говорят, там русалки водятся... – не унималась торговка, – они-то и губят всех, кто осмеливается переплыть озеро...

Проигнорировав слова Аксиньи, Митрофан сказал:

– Благодарствуем, провидица Волгава, за яства. В дорогу пора.

– Отдохните, – сказала в ответ провидица, – сил наберитесь, а потом уж и в дорогу. Пара часов привала пойдет вам на пользу.

Не стали путники спорить с Волгавой. Девушки принялись помогать убирать со стола, а мужчины отправились во двор. Надобно было напоить скакунов.

– У вас чудесно, – говорила княгиня, сметая остатки еды с тарелок в чашку, – воздух чистый, тишина, спокойствие.

– Это токма так кажется, – улыбнулась провидица. Она расставляла на полках пузырьки. – Как нагрязнут жители лесного царства, так такой говор стоит...

– Волки? – ахнула Аксинья, намывая в корыте ложки.

– И волки тоже, – улыбнулась Волгава.

– Как же ты от них защищаешься? – испугалась торговка.

– Никак, – мотнула головой провидица. – Зверь лесной мой друг. В мире с ним мы живем. Птицы да звери лесные мои друзья и помощники.

Поведала Волгава девушкам, как зверье лесное помогает ей. Птицы подсобляют в сборе трав. Гадюки по доброй воле делятся ядом своим, дабы провидица могла мази целебные делать. Пчелы мед приносят, не жадничают.

– Во, как бывает! – заключила впечатленная Акси. Подумала, как бы хорошо было и ей такую дружбу завести. Не надо было бы тогда шишки самой собирать, зверье бы само их приносило.

– Давно здесь живешь? – промолвила княгиня.

– Так давно, что и не сосчитать, – вытирая стол, ответила Волгава. – Когда во благе душевном живешь, время не считаешь. А чего его считать? Подсчет все равно не остановит скоротечный бег летов.

– Сказывают, что когда ты жила в Велиграде, очереди к тебе тянулись не на одну версту.

– Было и такое, – улыбнулась Провидица. – Все ко мне за помощью шли. Вот токма не всем эта помощь требовалась...

– Как?! – встряла Акси.

– Одни справиться со своими напастями не могут, но продолжают бороться, а другие и пробовать не хотят, по пустяку бегут до меня.

– А ты им отказывала? – осведомилась Акси, рассматривая полки у дальней стены. Они занимали всю стену от пола до потолка. Каких там только не было баночек. На некоторых стояли странные подписи. «Дыб», «Обл», «Меч», «Зон», «Крыж». Жидкости все разных цветов. Интересно, а какие они на вкус?

Лютой вошел в Царские Покои. Ачима восседала за столом со своим сыном Мечиславом. С его отцом Царица разорвала союз. Молодой Царь был нелюбим Ачима. Замуж за него выходить она не желала, но против воли батюшки воспротивиться девушка не смогла. Однако, как только взошла на трон, первым делом развелась с постылым мужем и сослала его на дальние земли. От их союза на свет появился милый мальчонка. Крепкий, смышленный. Светленький с большими голубыми глазами. Ачима в нем души не чаяла, хоть и была строгой матерью.

С ранних лет Мечислав обучался владению мечом, стрельбе из лука. Заморские преподаватели обучали Царевича иностранным языкам, правописанию, арифметике и многим другим наукам. Будущий Царь должен быть хорошо образован и соответствовать Царской семье.

– Царица, – поклонился Лютой, – с Северных гор тучи назревают. Думается мне, будет ураган. Надобно народ предупредить, пусть готовятся. Укрепления делают. А то, как в прошлом лете, снесло все ураганом, а люд потом твердил, что это царская вина.

– Предупреди, Лютой, – кивнула Царица, не отводя взора от сына. Царевич старательно выводил слова, стараясь не допускать каллиграфических помарок.

Мальчонка оторвался от листка.

– Матушка, позволь на сегодня закончить, хочется на ураган посмотреть.

– Допишешь предложение и пойдешь, – ответила Ачима.

– Царица, – гудел Лютой, – надобно еще отправится к святылищу на Ельской речке, перед Русальной седмицей. Ты в прошлом лете пропустила, народ недовольно шептался.

– Я помню, отозвалась Ачима, – отправимся, как токма прибует Митрофан.

– Хранитель прибует почитай в самую седмицу, а по обычаю заранее надобно. – Наставил воевода.

– Матушка, я тоже хочу к святылищу отправиться, – проговорил Царевич.

– Я подумаю, – дала ответ Ачима.

Царица понимала, что воевода прав и надо перед седмицей побывать на святылище. Вот только беспокойно было на душе. Что-то терзало, предчувствие не давало покоя.

Выйдя от Царицы, воевода довольно потер руки. Никуда она не денется, как миленькая поедет к святылищу. Глас народа для нее многое значит. Нарушать древний обычай еще раз

Ачима не осмелиться. Она обязана дать поклон богам перед Русальной седмицей и Царское благословение молодым парам, что желают вступить в брачный союз.

От воеводы Настасья направилась к Ельской речке. Задумала она дать поклон богам. Духам лесным. Шаг ее был уверенным. Она много думала и приняла непростое для себя решение.

Шествуя к воеводе, девица хотела еще раз поговорить о Митрофане, поискать свидетелей на царском дворе, но в последний момент передумала.

Пока она ожидала Лютого, видела, как все смотрят на нее и обсуждают. Дивятся, что она у Царских Палат околачивается. Тошно ей стало. Без лишних вопросов и расспросов уверилась Настасья в правдивости слов Лютого.

Девушка миновала деревню, пересекла луг и спустилась к реке. Пошла вверх по течению. К лесочку. Там среди высоких елей люд Белозерья сделал святилище своих богов. Место непростое, наполненное силою Божественного Чертога.

У кромки леса она остановилась. Оглянулась, нет ли кого поблизости.

Святилище стояло на поляне у крутого обрыва, на дне которого шумела и бурлила Ельская речка. Именно в этом месте спокойная речушка превращалась в глубоководную реку, что несла свои бурные воды в сторону Восточного моря.

Опасное место.

Очаг стоял между четырех колон. Четыре великих столпа. Огонь, Вода, Воздух, Земля. На них каменный купол, олицетворение небесного свода, за которым раскинулся Божественный Чертог.

Встав под куполом в центре у очага, Настасья направила свой взор на другую сторону обрыва. Там возвышалась статуя Проматери. Она дала жизнь всем богам и духам. Лишь через нее люд Белозерья мог держать речь с обитателями Божественного Чертога.

Настасья опустила на колени. Закрыла глаза и начала повторять древние слова. Древний язык, неподвластный для понимания жителям Белозерья. Забытый белозерцами.

Девица смолкла.

В очаге зола зашипела, взволновалась. Раздался треск. Вспыхнул огонь. Великое пламя взметнулось до самого каменного купола.

В ту же минуту у колонны стихии Земли почва зашевелилась. Пробились ростки вьюна, и ринулись виться по кругу, обхватывая крепко-накрепко каменную статью. В мгновения ока обвили глыбу, до самого купола. Распустились широкие темно-зеленые листья, а поверх зацвели белые и алые цветки.

Из-за колонны в тот миг вышли прекрасные девы, облаченные в белые сарафаны. Хрупкие, невесомые. Лица белые, волосы смоляные до самых пят. По земле ступали босыми ногами.

Кинулась к ним Настасья, расплакалась. Продолжала говорить на древнем языке. Повела о предательстве мужа. Девы обступили ее и принялись успокаивать.

Говорили ей о порядке вещей жизни, что не каждая девица может миновать подлости и предательства. Либо надобно умереть, либо быть непримиримой.

Смахнула Настасья горькие слезы и сказала, что мириться с этим не готова.

Девы звонко засмеялись и направились за колонну, увлекая за собою и Настасью. Не стала она противиться, с радостью великой пошла за ними.

Как только девицы скрылись за вьюнком, пламя в очаге потухло. Вьюнок пожелтел и вмиг опал, словно замерз в зимнюю стужу.

Осмотревшись по сторонам, Аксинья с вождением откупорила один из пузырьков. На пожелтевшей от времени бумажке было начертано «Крыж». Жидкость была прозрачная с зеленоватым оттенком.

Волгава и Елизара увлеклись беседой и потому совсем не обращали внимания на Акси. Этим она и решилась воспользоваться. Она вынула пробку. В нос ударил приятный аромат.

– Похоже, вытяжка из крыжовника, – пробубнила торговка. – Интересно, сохранился ли вкус...

Девушка пригубила немного. Не распробовав, сделала еще несколько глотков. Поначалу никакого вкуса не было. Будто воды испила. Но вдруг рот наполнился кислотой. Язык полыхал, словно Аксинья съела ядерных заморских перцев. Из глаз хлынули слезы.

Она, спотыкаясь, бросилась к кадушке с водой. Не замечая никого на своем пути. Схватила ковш, зачерпнула воды и начала жадно пить, желая затушить пожар во рту.

Провидица и княгиня с интересом наблюдали за торговкой.

После первых глотков жжение прекратилось, будто его и не было вовсе. Убрал от лица ковш, Акси наткнулась на пару вопрошающих глаз.

– Пить захотелось, аж жуть... – захихикав, выпалила торговка.

Провидица нахмурилась. Явно что-то заподозрила. Аксинья приготовилась получить выволочку, но ее спасли Митрофан и Серго. В этот момент они появились на пороге.

Волгава отвлеклась на них и Акси улучила момент. Сунула пузырек за пазуху. Интересное средство, отчего оно, из чего приготовлено? Надо изучить. А как изучить то, чего нет? Ничего страшного, ведьма вряд ли хватится, у нее таких бутылочек море бескрайнее.

– Пора в путь, – сказал Митрофан.

– Доброй дороги, Митрофан, – произнесла провидица. – Гляди в оба. Никого не слушай. – Она подошла чуть ближе и прошептала, – И никому не отдавай платок, что на твоей руке.

Митрофан посмотрел на платочек с княжеским вензелем. Платочек Елизары. Она оставила платок у него, а он повязал его на запястье. Уж платочек княгини Хранитель точно не собирался никому отдавать.

На слова провидицы мужчина кивнул, и путники отправились в дорогу. Волгава дала им еще два ретивых коня и пару котомок. Теперь вчетвером они мчались по лесной тропе.

Глава 8

Лютой облачился в неприметные одежды, дабы его никто не узнал. Направился к северной стене. Там на Хмельном перекрестке стоял трактир. В народе его именовали «турлук». Каждая собака в Велиграде знала, что это гиблое место и люд там подобный собирается. Пьянь всякая да плуты всех мастей.

Воевода обошел терем и отворил дворовую дверь. Этой дверью пользовались только рабочие трактира. В нос ударил запах хмеля и табака. Доштатый пол сильно скрипел, плахи от времени рассохлись, поэтому мужчина старался ступать тише, не желая привлечь к себе внимание.

По узкому коридорчику он добрался до лестницы и поднялся на второй этаж. Повернул направо и вошел в первую дверь.

Комната была небольшая, свет наполнял ее через грязное окно. У окна примостился стол и две лавки с обеих сторон. Воевода уселся к стене.

В дверь поскреблись и тихо спросили:

– Разрешите?

– Да, – прогудел Лютой.

В комнату проник тщедушный человек. Невысокий, одетый, как и воевода в темные одежды, лицо прятал под капюшоном. Он расположился напротив Лютого.

– Держи, – сухо сказал воевода и кинул на стол мешочек, набитый под завязку золотыми монетами.

Мужчина замялся, его тело пробрала дрожь.

– Батюшка, – проямлил мужичок, – боязно мне...

– Чего тебе бояться? – оскалился Лютой. – Ты просто помощник Главного Плотника.

На тебя никто не подумает.

– Выходит, подставляю Лесьяра, – продолжал мямлить мужчина.

– Тебя это недолжно волновать! – слегка повысил голос Лютой. – Хотен, подумай своей пустой головой, сколько золотых тебе плачу за пустяк! Сделаешь дело и можешь уехать из Велиграда.

Хотен затих.

– Отправишься в Тихоград, к морю. Огромный город, морская столица Белозерья. Зате-ряешься там, начнешь другую жизнь, – бубнил Лютой. – Портовый город, там всегда нужны плотники.

– Батюшка... но...

– Хотен! – оборвал речь мужчины воевода. – Подумай хорошо, прежде чем отказать мне. Я ведь другого человечка найти могу, а что с тобой будет? Ты, выходит, тайну чужую узнал и не помаран остался. Знаешь, что с такими бывает?

Промолчал Хотен. Он прекрасно понимал, что обратного хода нет. Лютой не даст ему жизни, ежели он откажется. Мужчина пожалел о своем приходе в это злачное место, но было уже слишком поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.